

Вера Давидовна Маркова

Народное движение в Лионе

(21 сентября 1792 - 29 мая 1793)

Уч. записки Московского государственного педагогического ин-та им. В.И.Ленина.
1949. Т. LVIII. С. 3-62

СОДЕРЖАНИЕ

1. Продовольственный вопрос в Лионе и борьба Центрального клуба за максимум
2. Суд над королем и позиция Центрального клуба Лиона
3. Заседание Центрального клуба 6 февраля 1793 г. и его последствия
4. Борьба Центрального клуба за создание революционной армии и учреждение Революционного трибунала
5. Нарастание конфликта между революционными и контрреволюционными силами лиона и мятеж 29 мая 1793 г.

Настоящая статья - единственная в своем роде. Основываясь на документальных источниках, В.Д.Маркова постаралась показать, что социальные противоречия в Лионе имели особый характер, что программа якобинцев Центрального клуба Лиона во многом опережала и парижский Якобинский клуб, и тем более Конвент. И что здесь уже вырисовываются будущие классовые бои, вспыхнувшие в восстаниях 1831 и 1834 годов.

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2003](#)

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛИОНЕ

(21 сентября 1792—29 мая 1793 гг.)

И. В. Сталин в беседе с Уэллсом назвал Французскую революцию конца XVIII века народной, ибо она «... победила, подняв громадные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия»¹⁾.

Народ освободился от оков феодализма, но на него были наложены, говоря словами товарища Сталина, цепи капиталистического рабства.

С этой точки зрения изучение народного движения в период Французской революции представляет значительный интерес, особенно в промышленных центрах Франции, где резче выявлялись социальные противоречия.

Одним из таких крупных промышленных центров Франции того периода был Лион, где концентрировалось довольно крупное мануфактурное производство и многочисленное для того времени пролетарское население (50 тыс. чел.). Поэтому противоречия между трудящимися и буржуазией в Лионе выступали значительно острее, чем даже в самом центре революции — Париже, имевшем преимущественно мелкое ремесленное производство. Это обстоятельство сказалось на классовом составе и деятельности возникших в период революции своеобразных организаций — клубов.

Если в Париже буржуазии удалось в начале революции повести на борьбу с феодализмом третье сословие, и в том числе городские «низы», то в Лионе с самого начала революции, наряду с возникновением буржуазного клуба «Общество друзей конституции», создано «Народное общество друзей конституции» или Центральный клуб, объединивший демократические слои города и сыгравший большую роль в мобилизации широких слоев народных масс не только на борьбу с феодализмом, но и на борьбу за коренные интересы народа в революции.

Поэтому Лион опередил Париж как в постановке ряда вопросов, так и в проведении ряда мероприятий. В частности, лионский Центральный клуб возглавил борьбу народных масс города за вве-

¹⁾ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 609.

дение «максимума цен» на продовольственные товары и стал инициатором этой борьбы в республиканском масштабе.

С осени 1792 г. продовольственный вопрос стал одним из основных вопросов, от разрешения которого в значительной мере зависел победоносный исход войны Франции с коалицией и победа революции. В Лионе продовольственный вопрос не терял своей остроты вплоть до мятежа 29/V 1793 г. и был одной из причин острых столкновений лионского народа с буржуазией.

1. Продовольственный вопрос в Лионе и борьба Центрального клуба за максимум

Экономический кризис, который переживала вся Франция, связанный с сокращением производства, торговых оборотов, с отвлечением от промышленности и земледелия производительного населения, не мог миновать такой крупный промышленный и торговый центр, как Лион.

Промышленный кризис в Лионе был связан с тем, что во время революции резко сократился спрос на шелк на внутреннем рынке, а также и экспорт его за границу.

Кроме того, во время войны почти полностью прекратился ввоз шелка-сырца, необходимого для лионской шелковой промышленности. Все это привело к сокращению производства, а следовательно, и закрытию многих лионских мануфактур.

Около 30 тысяч лионских рабочих оказались без работы.

Положение Лиона было настолько серьезным, что муниципалитет обратился в Конвент с просьбой, чтобы республика взяла на себя содержание лионских шелковых мануфактур. Но Конвент отказал ему в этом, мотивируя тем, что роскошь во Франции исчезла и французскому народу не нужен шелк.

Лионцем Витэ был даже выдвинут фантастический план введения формы национальной одежды из шелка для всех французов.

Эта тревога лионской буржуазии вызывалась не только большими убытками, которые она несла из-за промышленного кризиса, но и угрозой народных волнений. Хлеб в Лионе продавался по 6 су за фунт, т. е. в 2 раза дороже, чем в Париже. Это значило, что в покупке хлеба испытывали затруднение не только безработные, но и рабочие, уровень заработной платы которых был недостаточным для его покупки.

Все это заставляло лионский муниципалитет принимать меры для предотвращения возможных волнений. Так, 12 сентября 1792 г. по докладу и. о. мэра Перрэ о продовольственном положении Лиона, было принято решение организовать в городе подписку в пользу неимущих и создать при муниципалитете специальный продовольственный комитет, который должен заниматься продовольственным вопросом. Нивьер-Шоль был послан в департаментский совет с до-

кладом о принятых мерах: о посылке комиссаров в департаменты Эн, Соны и Луары с целью закупки хлеба для Лиона¹⁾.

Но все эти меры уже не могли затормозить давно назревавшее возмущение в народе. 15 сентября 1792 г. на улицах Лиона собираются толпы женщин, замученных нищетой и полуголодным существованием. В этот же день они направляют свою депутацию в муниципалитет с требованием установления твердых цен на продовольственные товары.

16 сентября 1792 г. на базарных площадях, на стенах лавок и магазинов появляются афиши следующего содержания:

«Лионские гражданки! Суверенный народ Лиона давно изнывает от ига и тирании аристократов-монополистов, будучи вынужден платить за все, что получает, дороже, чем прежде. Чтобы положить конец гнету монополистов, расстроить замыслы предателей, которые еще находятся в черте города, народ постановил, что он будет платить за товары, необходимые для его повседневных потребностей, только следующие цены»²⁾.

Далее следует перечень продуктов и их максимальная цена.

Эта афиша заканчивается обращением к жителям деревень, разъясняющим необходимость этой меры, базирующейся на основе справедливости, правосудия и равенства и направленной лишь «к установлению справедливой пропорции между ежедневной заработной платой и самыми минимальными расходами»³⁾.

Здесь прямо сказано, что, противящиеся и невыполняющие эту таксу, будут рассматриваться и преследоваться, как изменники родины.

В самом конце афиши указывается, что это постановление носит временный характер и действительно до следующего урожая. Женщины прибегли к насильственным мерам. Они принудили бакалейных торговцев открыть лавки, заняли площади и рынки, а комиссары из женщин наблюдали за исполнением новых тарифов.

Эти действия, по свидетельству Ролана, министра внутренних дел, сопровождалась даже разгромом магазинов⁴⁾.

Движение было настолько угрожающим, что 17 сентября 1792 г. Генеральный совет коммуны признал существовавшие ранее цены на съестные предметы чрезмерными и обещал установить умеренные цены на хлеб. В то же самое время он обратился в департаментский совет с призывом объединить все усилия для ликвидации волнений⁵⁾.

1) Procès verbaux du Conseil général du département du Rhône-et-Loire, v. II, p. 286.

2) Цит. по Balleydier. Hist. politique et militaire du peuple de Lyon, v. I, p. 96.

3) Цит. по Balleydier, v. I, p. 97.

4) Recueil des Actes du Comité de Salut public avec la correspondance des représentants en mission... par Aulard, v. I, p. 61—62.

5) Pr. verb. du Cens. gén. du départ, v. II, p. 131.

Результатом этого обращения был адрес к гражданам Лиона от имени муниципалитета и департаментского совета, опубликованный 18 сентября. Этот адрес призывал граждан к уважению собственности и спокойному ожиданию мер, которые будут приняты властями.

Кроме того, повсюду был опубликован приказ, предписывавший всем гражданам разойтись по домам, комиссарам приступить к домашним обыскам для выявления зачинщиков волнений, а всем батальонам направиться на свои посты¹⁾.

Однако Генеральный совет коммуны, учитывая серьезность положения в городе и недостаточность принятых мер для ликвидации волнений, в тот же день опубликовал временный тариф цен на хлеб и другие продукты. Так, цена хлеба хорошего качества устанавливалась в 2 су за фунт, цена мяса — 6 су, цена масла — 12 су и т. п.

Этого успеха народным массам Лиона удалось достигнуть не без влияния и не без участия в этом движении лионских клубов.

Письмо якобинца Додье к секциям Лиона свидетельствует о том, что еще до этих волнений вопрос о таксации цены на продовольствие поднимался и обсуждался клубами. В этом письме, датированном 26 августа 1792 г., Додье сообщал секциям о решении клуба секции Vivie приступить немедленно к обыскам припрятанной муки и зерна для продажи ее по парижской цене, возвращая вырученные средства тем лицам, у которых мука и зерно обнаружены. Ввести твердую таксу на хлеб в справедливой пропорции предполагалось после этой операции²⁾.

Идея таксации цен возникла в клубах и пропагандировалась ими. Она была положительно воспринята народными массами и лионскими женщинами, предъявившими это требование муниципалитету в сентябре 1792 г.

Тариф на хлеб и продовольственные товары и афиша лионских гражданок были составлены Бюсса совместно с Шалье, руководителем Центрального клуба.

Из всего вышеприведенного видно, что Центральный клуб участвовал в подготовке этого народного движения и не без его участия движение приняло такой оборот, что муниципалитет вынужден был идти на уступки.

Ролан в своем письме в Конвент прямо указывает на бессилие муниципалитета в эти дни³⁾.

Лишь после установления таксы, прибытия закупленного в окрестностях Лиона хлеба и принятия полицейских мер (выставление пикетов у дверей магазинов, лавок и т. п.) в городе устанавливается порядок.

Не вызывало уже никаких волнений постановление Генерального

1) Pr. verb. du Cons. gén. du départ., v. II, p. 134.

2) Guerre, Histoire de la révolution de Lyon. 1793. Pièces justificatives, p. 2.

3) Mémoires par Buchez et Roux, v. XIX, p. 56.

совета коммуны от 23 сентября о повышении цен на хлеб до 3 су за фунт. К моменту прибытия комиссаров Конвента, т. е. 27 сентября, в городе было совершенно спокойно¹⁾.

28 сентября комиссары Конвента созывают в Лионе объединенное заседание административных органов и издают постановление об аннулировании всякой «произвольной таксации» и разрешают производить продажу всех товаров по обычному и ранее существовавшему курсу²⁾.

Обращение комиссаров к лионцам является ярким выражением позиции жирондистского Конвента в продовольственном вопросе.

«Вы состоите в заговоре против вашей свободы, против вашей собственной безопасности, когда вы посягаете на собственность ваших сограждан произвольной таксацией продовольственных товаров. . . Не только соседние деревни, но и более отдаленные области привозят вам свой богатый урожай, вы их оттолкнете и отдалите, если снизите из-за своего каприза стоимость товаров и помешаете свободной торговле. . . Цена продовольствия чрезвычайно высока, но Конвент займется вашими нуждами и вы будете свидетелями мудрых мер, принятых против гнусных подстрекателей»³⁾.

Но лионскую буржуазию вовсе не обольщало это установившееся некоторое спокойствие. Лоссель 28 сентября 1792 года писал Ролану, что лионские буржуа находятся в состоянии ужаса, боясь новых волнений, могущих нанести им материальный ущерб, так как основные причины, вызвавшие волнения, не были устранены. В письме прямо указывалось:

«Налицо 2 источника зла: безработица и нищета, осложняемые недостатком и чрезвычайными ценами на продовольственные товары. . . Без полиции на рынках нет порядка»⁴⁾.

Хотя приказом комиссаров от 28 сентября и восстанавливался прежний уровень цен на продовольствие, однако муниципалитет вынужден был регулировать цену на хлеб в соответствии с ценой зерна, которая согласно постановлению муниципалитета от 2 октября должна объявляться продовольственным комитетом в специальных афишах по воскресеньям⁵⁾.

Таким образом, налицо попытка регулировать цену хлеба, установить максимум в Лионе еще до установления его конвентом. Вызвано это было той борьбой, которую вели народные массы Лиона против голода, против спекуляции, возглавляемые народными клубами секций:

1) Procès verbaux du Cons. gén. du départ., v. II, p. 144.

2) Там же, стр. 146.

3) Там же, стр. 145.

4) Цит. по Herriot «Lyon n'est plus», 1937, v. I, p. 89.

5) Procès verbaux des corps municipales de la ville de L., v. III, p. 311.

7 октября цена хлеба устанавливается в размере 3 су 9 денье за фунт и при этом оговаривается, что эта цена будет изменяться в соответствии с ценой зерна ¹⁾.

Постановление 18 октября определяет вознаграждение булочникам, продававшим хлеб по этой установленной цене ²⁾.

Регулирование цены хлеба требовало достаточного количества зерна и поэтому 3 октября муниципалитет обязывает свой финансовый комитет представить проект добровольного внутреннего займа на сумму, необходимую для снабжения города зерном в течение 6 месяцев ³⁾.

6 октября было принято решение о займе в размере 2 миллионов, на которые будут выпущены процентные облигации по 1000 ливров каждая ⁴⁾.

Однако по-иному подходят к способу размещения займа лионские клубы. 14 октября клуб секции Белль-Кордьер предложил муниципалитету обратиться в Конвент за разрешением провести принудительный заем у собственников, доходы которых превышают 500 ливров ⁵⁾.

Правда, муниципалитет не сразу идет на это требование и в письме к Ролану от 24 октября, жалуясь на недостаток денег и зерна, выдвигает идею добровольной подписки на двухмиллионный заем. При этом делается оговорка: в случае, если сумма не будет собрана таким путем, то должен быть составлен список всех зажиточных, которые будут обложены принудительно ⁶⁾.

Одновременно с этим 25 октября муниципалитет принял проект создания филантропического братского общества для помощи неимущим, которое к 5 ноября собрало 300 тысяч ливров, т. е. 1/4 суммы, необходимой и намеченной для покупки зерна ⁷⁾.

Стало ясно, что таким путем не разрешить эту острую продовольственную проблему. Насколько нужна в хлебе, как источнике волнений, беспокоила муниципальные власти, свидетельствует постановление муниципалитета от 10 ноября, в котором говорится, что 22 ноября малообеспеченным гражданам будет выдаваться мука по талону, выданному специальным наблюдателем секции ⁸⁾. Все это свидетельствует о том, что продовольственный вопрос не терял своей остроты и представлял много тревог для местных властей.

1) Procès verbaux des corps municipales de la ville de L., v. III, p. 318.

2) Там же, стр. 331.

3) Там же, стр. 311.

4) Там же, стр. 317.

5) Riffaterre, Mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône et Loire en 1793. I 1912-28, v. I, p. 33.

6) Herriot, Lyon n'est plus, v. I, p. 94-95.

7) Charlety, La journée du 29 mai 1793 à Lyon — в «Révolution française».

8) Pr. verb. des corps municip., v. III, p. 333.

В ноябре положение лионского народа было настолько бедственным, что ждали буквально со дня на день нового волнения (письмо Витэ от 12 ноября к Ролану) ¹⁾.

Все это заставляло муниципалитет и мэра города обратиться 8 ноября к лионцам с воззванием, которое признавало бедственное положение народа из-за дороговизны и недостатка хлеба. В воззвании все надежды возлагались на трехмиллионный заем, проект которого разрабатывался в то время. Муниципальные советники буквально заклинали зажиточных граждан во имя человеческой справедливости и их собственных интересов подписаться на заем. Они звали также к торговцам и фабрикантам принять меры к тому, чтобы дать нуждающимся работу. Это воззвание заканчивалось обращением ко всем гражданам соблюдать закон, уважать неприкосновенность личности и собственности ²⁾.

В таких условиях происходят ноябрьские выборы в муниципальные, дистриктские и департаментские органы. Выборы дают ясную картину резкого размежевания классовых сил, которое выразилось в борьбе двух партий (жирондистов и якобинцев), выдвинувших своих кандидатов. Выборы в муниципалитет и дистрикт дали победу якобинцам. Шалье был избран председателем дистриктового трибунала, Лоссель — прокурором Лионской коммуны. Но в избирательной кампании в департаментские органы победили жирондисты.

Картину борьбы этих партий дополняют выборы мэра города. Весьма характерным было то, что каждая партия выдвинула свою кандидатуру: якобинцы — Шалье, жирондисты — Нивьер-Шоля. Пришлось объявить 2 тура, ибо 1-й не дал требуемого большинства ни одной из них (из 5787 голосов Нивьер получил 2041, а Шалье — 2601).

Первый тур заставил буржуазию и колебавшиеся элементы сплотиться и отдать голоса Нивьер-Шолю. Свидетельством этого является тот факт, что во 2-м туре участвовало в голосовании на 3225 человек больше. Нивьер-Шоль получил по сравнению с первым туром больше голосов на 3078. Это говорит о том, что колебавшиеся и индифферентные элементы под влиянием страха перед избранием Шалье приняли участие в выборах и отдали свои голоса Нивьер-Шолю. Совершенно несомненно, что борьба вокруг продовольственного вопроса, увеличившая влияние якобинцев в массах, заставила буржуазию консолидировать свои силы.

Однако это была отнюдь не крупная победа лионской буржуазии, ибо состав муниципального корпуса и совета коммуны был якобинским. Доказательством этого вывода является оценка самой буржуазии Лиона результатов выборов.

1) Herriot, v. I, p. 109-110.

2) Procès verb. des corps municipales, v. III, p. 358.

Так, Патрэн в письме г-ну Ролану 18 ноября, сообщая о результатах муниципальных выборов, прямо заявляет, что Лион будет потерян, если ему не придут на помощь и не помогут опрокинуть проекты Дантона и Робеспьера, орудием которых являются Шалье и ему подобные¹⁾.

Ту же мысль проводит в своем письме Витэ, жалуясь на агитаторов из Центрального клуба и на их «наглые» депутации в Муниципальный корпус, прямо указывая на таких деятелей, как Шалье, Лоссель и другие.

«В этом городе Дантоны и Робеспьеры могут делать что бы они ни захотели», — и добавляет: — Мы будем меньше опасаться гибельных результатов действий этих агитаторов, если вы дадите работу и хлеб этой несчастной части жителей Лиона»²⁾.

Весьма показательны, что именно враг так оценивает силу и влияние лионских якобинцев. Это влияние лионских якобинцев среди народа и вражда к ним со стороны буржуазии объясняются тем, что с трибуны своих клубов они объявили борьбу спекулянтам, богатой буржуазии, требуя ограничения крупной собственности, устранения спекуляции, установления максимума.

Лионская буржуазия неспроста сетует на клубы и их агитаторов, Шалье, Лоссель и другие якобинцы открыто требуют голов спекулянтов и скупщиков³⁾.

В Центральном клубе раздаются речи о том, что зерно принадлежит всем гражданам и выдвигается идея раздела имуществ крупных собственников.

В одном из писем к Ролану от 1 ноября 1792 г. один противник якобинцев жалуется на Шалье, который в Центральном клубе проповедывал, что фермеры и земледельцы должны хорошо работать, чтобы собрать урожай, который по праву принадлежит всем трудящимся гражданам. Здесь Шалье высказал мысль, которая затем получила свое яркое выражение в адресе в Конвент от 25 марта о максимуме на зерно, который он редактировал.

Другой якобинец Иден, комиссар трибунала дистрикта, представил в Коммуну проект из 24 статей, предлагавший уничтожить частную торговлю зерном, установить национальное управление продовольствием, требовал национализации водяных и ветряных мельниц и строгой регламентации и надзора над булочными. «Торговля зерном вредна . . . для нации и граждан. . . Торговля и экспорт продовольствия (вопреки Ролану) преступление против нации, потому что они подвергают опасности ее существование . . . Зерно и мука должны быть объявлены национальными продуктами, которыми заведует продовольственное управление, избранное народом»⁴⁾.

1) Herriot, Lyon n'est plus, v. I, p. 113.

2) Там же, стр. 114.

3) Там же.

4) Цит. по Riffaterre «Mouvement antijacobin. . .», v. I, p. 337.

Наконец, Иден прямо ставит вопрос о необходимости максимума на хлеб, неизменно установленного для всей республики.

Таким образом, идея таксации цены хлеба, возникшая в клубах Лиона, пользовавшаяся несомненной популярностью у народа еще до продовольственных сентябрьских волнений, продолжала пропагандироваться в течение всей осени 1792 г. клубам. В этом отношении лионские якобинцы шли впереди якобинцев Парижа и их вождей (Робеспьера, Марата, Сен-Жюста), испытывавших в это время большое колебание в решении продовольственного вопроса. Робеспьер в речи 2 декабря о продовольственном кризисе бичевал спекуляцию как разбой и предлагал в качестве меры борьбы с ней запретить ночную перевозку хлеба, обязать торговцев продавать хлеб на рынке, но оставил без внимания требование народных масс о введении твердых цен. Жирондисты, благодаря черешительности и колебаниям монтаньяров, одержали победу в Конвенте, принявшем 8 декабря решение о применении оружия против выступлений в целях установления твердых цен.

Требование максимума, создания национального продовольственного правления, требование суровых мер против спекулянтов и скупщиков — все эти идеи лионских якобинцев перекликались с идеями, выдвинутыми вождями «бешеных» (Варлэ, Ру, Доливье).

Вместе с ними лионские якобинцы Иден, Шалье и др., защищая интересы народа, старались обосновать право всякого трудящегося на существование, на хлеб и возвысили свой голос против самого принципа неприкосновенности частной собственности, осуждая чрезмерное скопление богатств в руках отдельных частных лиц.

Среди бумаг Витэ был найден адрес, датированный зимою 1792 г., в котором содержались упреки против агитаторов, которые под предлогом всеобщей пользы и поддержки бедных требуют захвата у некоторых собственников их имущества и раздела его неимущим. Эта идея сильно возмущает автора адреса.

«Испорченные люди! Скажите-ка нам, какое право имее вы на крупную собственность? . . . Вы хотели бы, граждане, чтобы мог, распутник, лентяй имел право захватить у промышленного человека имущество, которое он накопил в поте лица своего. Нет. . . не мешайте торговцам основывать предприятия, которые являются единственными людьми, могущими обеспечить вам работу»¹⁾.

Мысль о необходимости ограничения крупной частной собственности высказывалась не раз на трибуне Центрального клуба, поэтому автор этого адреса имел, повидимому, в виду агитаторов из этого клуба. В частности, в ноябре 1792 г. один из членов его Бонафу выразил такую мысль: «чтобы приблизить священное равенство», Конвент должен запретить «торговые общества», состоящие более

1) Цит. по Riffaterre, у. I, p. 388.

чем из трех лиц — неродственников и обладающих капиталом более чем 500 тысяч ливров»¹⁾.

Мысль о том, что крупная собственность является результатом открытого или завуалированного грабежа неоднократно высказывается членами лионских клубов (Лосселем в частности)²⁾.

Известно, что одним из средств борьбы с крупной собственностью, выдвигаемых «бешеными», был прогрессивно-подоходный налог. В лионских клубах это требование не выдвигалось, хотя по существу этот принцип нашел свое выражение в требовании клубов принудительного займа для покупки хлеба, который под влиянием клубов был принят 10 ноября 1792 г. лионским муниципалитетом. Принудительный заем 21 ноября 1792 г. утвержден Конвентом, выработавшим специальную шкалу прогрессивно-подоходного обложения³⁾.

И в этом следует признать заслугу лионских клубов, потребовавших принудительного займа у богачей и добившихся этого. Богачи должны расплачиваться, они должны обеспечить минимальное существование трудящихся, право всех трудящихся на существование — вот идеи, которые пронизывают все речи, адресы членов клубов. Поэтому с таким негодованием обрушивается Шалье на деятельность братского филантропического общества, которое, по его мнению, должно быть уничтожено, ибо оно низводит человека до нищего, унижает его. Оно является ядом, который отравляет свободу. Рабочие имеют право на существование, и общество обязано им обеспечить труд и хлеб, не ожидая желаний и милости богачей⁴⁾.

Якобинец Додье в «Mémoires à consulter» заявляет о том, что рабочие просят не благодарений и пожертвований, а действительной справедливости⁵⁾. Эта мысль нашла отражение в письме хозяев мелких мастерских к Ролану, где они требуют не «унизительного вспомоществования, а действительной справедливости»⁶⁾.

Именно по инициативе народных клубов (клуб секции Сен-Жорж) осенью 1792 г. началась в Лионе борьба за увеличение заработной платы рабочих.

Действовавший в 1792 году тариф 1789 года, в связи с сильным обесцениванием бумажных денег и увеличением цен на продовольственные товары, не мог удовлетворить рабочих. Поэтому они ставят вопрос об увеличении заработной платы настолько, чтобы компенсировался ущерб, который они испытали из-за обесценивания ассигнатов и повышения цен.

Клуб секции Сен-Жорж выносит в сентябре 1792 г. решение послать двух своих комиссаров в клуб секции Круазет для составления совместной петиции в муниципалитет о созыве специального совещания купцов — предпринимателей для решения вопроса о способе этой компенсации рабочих¹⁾.

На это предложение откликнулись все секционные клубы. Лоссель, бывший тогда комиссаром Исполнительного совета, писал Ролану 28 сентября 1792 г., что агитаторы начали новую атаку²⁾.

И действительно собрались комиссары секций и вынесли решение потребовать прибавки заработной платы на 30%.

В ответ на это решение комиссаров собираются многолюдные секционные собрания. Так, например, на одном из таких собраний 8 октября присутствовало около 3 тысяч человек, среди которых было много женщин³⁾.

На этих собраниях выступали члены секционных клубов (в частности, Додье), которые доказывали, что имеется возможность добиться от предпринимателей компенсации в оплате труда, пропорционально стоимости продовольствия⁴⁾.

Адрес в Конвент от 12 октября об увеличении заработной платы, составленный Додье, не получил движения. Лишь в январе 1793 г. клуб секции Шанж берет на себя инициативу в возобновлении борьбы за увеличение заработной платы и призывает к этому все секции.

В результате этого призыва были избраны комиссары, уполномоченные собрать подписи под адресом и представить его в муниципалитет с тем, «чтобы добиться тарифа для хозяев мастерских». 16 января 1793 года этот адрес с 4 тысячами подписей рабочих шелковой промышленности был направлен в муниципалитет и обсуждался там 20 января 1793 г.

В результате муниципалитетом было решено принять меры в течение недели⁵⁾.

В этом адресе критикуется социальное неравенство, мнимая свобода, при которой одна часть общества, разоряя другую, говорит ей: «Ты будешь есть хлеб только в таком количестве». В таких условиях не может быть речи о соглашении между рабочими и предпринимателями как между равными сторонами, ибо рабочие находятся в зависимости от своих хозяев. Подписавшие адрес подчеркивают в нем, что действительное соглашение должно быть основано на равенстве обеих сторон. Таким образом, и здесь мы встречаемся с теми же мыслями о необходимости установления социального равенства. Согласно требованию, изложенному в адресе, муниципалитет созвал

1) Цит. по Riffaterre, v. I, p. 339.

2) Riffaterre, v. I, p. 337.

3) Journal des Débats, 1792, № 66.

4) Riffaterre v. I, p. 342—343.

5) Там же, стр. 343.

6) Herriot, Lyon n'est plus, v. I, p. 96.

1) Herriot, v. I, p. 338.

2) Riffaterre, v. I, p. 340.

3) Там же.

4) Herriot, v. I, p. 96.

5) Pr. verb. des corps mun, IV, p. 73.

собрания хозяев мастерских и купцов-предпринимателей по отраслям. Тариф был выработан только для предприятий, производящих тафту и чулочные изделия, но эти тарифы в действие введены не были. Общего тарифа заработной платы так и не было выработано.

Однако сам факт этой борьбы и руководящее влияние клубов в ней весьма показательны и характерны как для социальной борьбы в Лионе, так и для оценки роли лионских клубов. Необходимо иметь в виду, что эта борьба происходила между купцами-предпринимателями и хозяевами мелких мастерских, которые, работая сами, пользовались наемным трудом. В борьбу за повышение заработной платы были вовлечены подмастерья и другие наемные рабочие.

Одновременно с борьбой за повышение заработной платы для трудовых масс лионские клубы пытались оказывать влияние на упорядочение финансовой системы, находившейся в состоянии кризиса и являвшейся одной из причин продовольственных затруднений. Так, 15 декабря 1792 года делегация Центрального клуба явилась в департаментский совет с заявлением о том, что в течение нескольких месяцев прекращен выпуск медных монет, резкий недостаток которых является одной из причин возбуждения и недовольства в городе¹⁾.

Дело в том, что предприниматели выплачивали рабочим и хозяевам мастерских заработную плату ассигнатами крупных купюр, за размен которых нужно было вносить определенную плату. Выпущенные же купюры ассигнатов в 5 ливров быстро исчезали из обращения, так как они играли разменную роль и давали 7—8% прибыли. Крупные коммерсанты, а затем и банки для размена ассигнатов стали выпускать мелкие знаки, или кредитные монеты (*médailles de confiance*) и кредитные билеты (*billets de confiance*).

Банки, выпускавшие кредитные билеты вместо того, чтобы оставлять без движения ассигнаты, получаемые на разменные билеты; пользуясь отсутствием контроля, употребляли ассигнаты для коммерческих и финансовых спекуляций. Выпуск кредитных билетов, удваивая количество ассигнатов, увеличивал количество обращающихся денежных бумаг, что облегчало ажиотаж и затрудняло контроль и борьбу с чеканкой фальшивых ассигнатов. Закупка съестных припасов, производившаяся в больших размерах эмиссионными банками, стремившимися найти размещение для своих ассигнатов, обусловливали повышение цен на эти товары и одновременно понижалась покупательная сила бумаг. Когда некоторые банки прекратили платежи, это вызвало панику и недоверие к кредитным билетам.

Рабочие и хозяева мастерских отказываются получать заработную плату кредитными билетами.

¹⁾ Procès verbaux des séances du Cons. gén. du départ., v. II, p. 197.

В своей петиции они обличают спекулянтов, наживавшихся на этих операциях, и требуют выпуска достаточного количества ассигнатов достоинством в 5 ливров и мелкой металлической монеты¹⁾.

Те же жалобы и протесты по этому поводу раздаются и на трибунах секционных клубов и вызывают возбуждение на секционных собраниях. Центральный клуб посылает в департаментский совет свою делегацию с жалобой на исчезновение металлической монеты. В ответ на эту жалобу департаментский совет решает немедленно послать трех уполномоченных на монетный двор для выяснения количества мелкой монеты, выпущенной в течение последних 6 месяцев, употребления ее, времени и причинах прекращения ее поступления в секции Лиона, а затем на основании этого обследования делается доклад в Генеральном совете²⁾.

На другой день, т. е. 16 декабря 1792 г., делегация Центрального клуба с той же жалобой обратилась в муниципалитет и потребовала возобновления посылки комиссаров на монетный двор. Генеральный совет коммуны предложил представить петицию по этому поводу и, когда это было сделано, он вынес решение принять петицию к сведению³⁾.

Из всего приведенного выше видно, что как в вопросе о повышении заработной платы, так и в борьбе за упорядочение финансовой системы лионские секционные клубы выступали в защиту народных масс.

Несмотря на проведенное Конвентом запрещение чеканки металлических разменных знаков и изъятие из обращения кредитных билетов, финансовое положение республики не улучшилось, ибо эти частичные меры не дали заметного уменьшения количества находившихся в обращении бумажных денег. Расходы, связанные с войной, требовали нового выпуска ассигнатов, во много раз превышающего стоимость изъятых монет и кредитных билетов.

Вскоре после казни Людовика XVI война с интервентами вступила в новый, гораздо более трудный период. Зимой 1793 г. с Францией сохранили нормальные дипломатические отношения только Швейцария, Дания, США. Вражеские армии окружили Францию и лишили ее возможности поддерживать связь с внешним миром. Англия зорко следила за тем, чтобы из Америки и Дании не проникали во Францию съестные продукты.

Конвент вынужден был снабжать армию через поставщиков, вздувавших цены на продовольствие. Новые выпуски ассигнатов приводили к падению их курса до 50% и влекли за собой новое повышение цен на съестные товары. Спекуляция становилась настоящим бичом для народа. Продовольственный кризис зимой

¹⁾ Morin, Histoire de L. depuis la révolution de 1789. P. L. 1845, v. II, p. 15—17.

²⁾ Procès verb. des séances Conseil gén. du départ., v. II, p. 197.

³⁾ Procès verb. des corps munic., v. IV, p. 27.

1792/93 г. принял гораздо более острый характер, нежели осенью 1792 г.

В таких условиях требование максимума на все съестные продукты и в первую очередь на хлеб становилось всеобщим. Народ видел теперь в максимуме не временное средство для избавления от гнета спекуляции и голода, а основное мероприятие экономической политики государства. В Лионе, где идея максимума имела довольно широкое распространение в течение лета и осени 1792 года и где опыт борьбы за таксацию цен на продовольствие был значителен, движение народных масс за максимум приняло большой размах.

Однако регулирование цен на хлеб, практиковавшееся в Лионе в 1792 году, не разрешило продовольственной проблемы, ибо для вознаграждения булочников и закупки зерна в других департаментах требовался очень большой денежный фонд. Булочники же постоянно требовали поднятия цен, что каждый раз вызывало беспокойство и тревогу лионских народных масс. Поэтому зимой 1793 года Лион становится одним из инициаторов введения обязательного максимума для всей республики без всякого вознаграждения булочников и прочих мер, фактически не дававших положительных результатов.

Мысль о том, что Конвент должен установить максимум на съестные продукты для всей республики, была открыто высказана уже во время волнений 1792 года, т. е. в день избрания мэром Нивьер-Шоля. Об этом свидетельствует его обращение 6 декабря 1792 года к народу Лиона в связи с неутихавшими волнениями на почве продовольственных затруднений¹⁾.

Муниципалитету под влиянием требования народа снова пришлось заниматься продовольственным вопросом. Во главе народных масс в борьбе за максимум снова становится Центральный клуб.

13 января 1793 года он представил муниципалитету адрес в Конвент с проектом декрета, регламентирующего торговлю зерном, цена которого должна быть определена представителями нации.

Против этого адреса выступил мэр Лиона и после дискуссии адрес был отклонен, что опять-таки свидетельствует о наличии острой борьбы по этому вопросу и о стремлении буржуазии во главе с мэром воспрепятствовать установлению максимума в республиканском масштабе, ограничивающего свободу торговли хлебом.

Дискуссия по этому вопросу не нашла отражения в протоколах административных органов, но подробный отчет о ней дал сам мэр в письме к Ролану.

В ответ на это письмо Ролан писал 21 января 1793 г. о той большой тревоге, которую вызвала у него эта дискуссия.

1) Pr. verb. des corps municip., v. IV, p. 7.

«Я не буду входить в детали опасностей предлагаемой меры. Вы их почувствовали и энергично развили, но я очень боюсь, что если не воспротивиться этому разрушительному потоку, республика подвергнется самым ужасным неприятностям, послышатся со всех сторон предложения аграрного закона»¹⁾.

Но избежать этого острого вопроса было невозможно, ибо хлеба в городе не хватало, а булочники, пользуясь этим, обратились 21/II 1793 г. с требованием повысить цены на хлеба до 3 су за фунт. Муниципалитетом были назначены комиссары для обследования качества хлеба и дачи заключения о необходимости увеличения вознаграждения²⁾.

На этом же заседании муниципалитетом было принято решение создать на муниципальные средства несколько пекарен для выпечки хлеба и организовать муниципальные булочные, которые должны продавать хлеб по таксе и распределять муниципальные запасы муки по установленной цене³⁾.

Предложение об организации муниципальной булочной исходило опять-таки от клубов (регистр общества Белль-Кордьер от 13/II 1793 г.).

По докладу комиссаров, уполномоченных 21 февраля для обследования качества хлеба, 23 февраля муниципалитетом выносятся решение отклонить требование булочников об увеличении им вознаграждения. В виде протеста против этого решения несколько булочников вообще прекращают выпечку хлеба. В городе начинается возмущение. Генеральный совет коммуны 6 марта 1793 г. обращается к народу с воззванием, чтобы предотвратить разгром лавок и булочных, а 8 марта дает приказ раздать патроны солдатам 9 драгунского полка.

Эти события происходят как раз накануне выборов мэра, в результате которых 9 марта утром избирается якобинец Бертраи. Победа якобинского блока на выборах мэра была результатом энергичной борьбы клубов за интересы народа, что и сплотило вокруг якобинцев все демократические элементы города. Через несколько дней постановление муниципалитета от 21 февраля об организации муниципальной булочной было реализовано. В различных секциях города для выпечки хлеба из муниципальных запасов муки было создано 13 печей, и булочная начала функционировать с 14 марта 1793 г.

Но и эта мера не могла дать серьезного и значительного улучшения продовольственного положения, ибо не хватало зерна, муки, не было и денег для их закупки.

Булочники, пользуясь затруднениями с хлебом, стали выпекать очень плохой хлеб, этот хлеб в одном из писем лионцев был назван

1) Цит. по Charléty, La journée du 29. V. 93. Révol. fr., v. 39, p. 362—363.

2) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 117.

3) Там же, стр. 118.

«собачьим хлебом». Хороший белый хлеб доходил до 7—8 су за фунт. Тогда клубы возглавляют борьбу за хорошую выпечку хлеба, требуя наказания булочников за саботаж.

Народный клуб секции Сен-Венсен 2 апреля 1793 г. обращается в муниципалитет с жалобой на чрезвычайно плохое качество муки, которую употребляют булочники для выпечки хлеба по таксе. Один из делегатов этой депутации предлагает наказывать таких булочников. Клуб секции Велль-Кордьер требует даже смертной казни для всех спекулянтов¹⁾.

В таких условиях депутация Центрального клуба 19 марта 1793 г. обращается в муниципалитет с просьбой обсудить адрес клуба в Конвент о запрещении булочникам помола их собственного зерна и предписать им брать для выпечки хлеба ежедневно определенное количество муки из муниципального склада, использовать фонды эмигрантского имущества для закупки зерна и создания хлебного фонда.

Развернувшаяся в муниципалитете по этому адресу дискуссия не завершилась принятием определенного решения²⁾.

Обсуждение продовольственного вопроса было возобновлено 23 марта. В результате муниципалитет принял решение, согласно которому: 1) цена хлеба должна устанавливаться в соответствии с ценой зерна; 2) должен быть в кратчайший срок составлен список малосостоятельных граждан; 3) послать депутацию в Конвент с просьбой разрешить муниципалитету назначать комиссаров для контроля за количеством зерна и муки в соседних местностях³⁾.

Но этим дело не ограничилось. 24 марта муниципалитетом было принято новое решение послать в Конвент 3 адреса: 1) об отсрочке до окончания войны принятия конституции; 2) о максимуме на зерно; 3) об обеспечении ассигнатов движимым и недвижимым имуществом.

Для составления этих адресов была избрана редакционная комиссия, куда вошли Шалье, Гайяр, Бюсса, Маго.

Делегация от Центрального клуба поддержала это решение муниципалитета.

На следующем заседании, 25 марта эти три адреса зачитываются от имени Генерального совета Коммуны и принимаются в присутствии представителей администрации дистрикта и членов гражданского трибунала и трибунала торговли.

Содержание этих адресов оценивается как три основных принципа, на которых должно покоиться благо французской республики⁴⁾.

1) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 133.

2) Riffaterre., v. I, p. 15.

3) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 147—148.

4) Там же, стр. 151.

В первом адресе мотивируется необходимость отсрочки принятия конституции. При этом указывается, что принять конституцию медленно означало бы отнять у настоящих защитников родины их законное право санкционировать ее, что равносильно преступлению. Кроме того, в их отсутствие враги свободы могут употребить все усилия и добиться конституции, разрушающей свободу и равенство¹⁾.

В этом вопросе сказались несомненная демократическая позиция якобинцев, отстаивавших суверенитет французского народа, защищавшего свою родину и завоевания революции и борющихся за демократическую конституцию. Во втором адресе, посвященном максимуму на зерно, обосновывается не только необходимость, но и справедливость и законность этой меры.

Мысль, высказанная Шалье еще в 1792 году, что каждый человек имеет право на существование, что хлеб принадлежит всем при условии справедливого вознаграждения за труд земледельца, в этом адресе (несомненно под влиянием Шалье) формулируется яснее, отчетливее и возводится в принцип, в основание для вмешательства государства в распределение хлеба, необходимого всем гражданам²⁾.

Здесь уже нет и намека на установление максимума, как временной меры. Авторы адреса о максимуме на зерно подходят к этой мере, как к положительному и окончательному закону, отдавая себе совершенно ясный отчет в том, кому выгодна эта мера и кто воспротивится ей.

В этом адресе говорится, что патриоты скрепят своей кровью его, зато собственники и скупщики, на столе которых в золотых кубках искрится нектар счастья, поднимутся, без сомнения, против этой меры, противоречащей их интересам³⁾.

Необходимость этой меры мотивируется так: народ защищает и уважает собственность, но «может ли он, безмолвно, позорно терзаться, стать добычей шайки жадных злодеев? Может ли он не подняться при приближении смерти, когда все повышающаяся цена продовольствия обрушивается на его голову? Может ли он сидеть и ждать оков, которые скуют его свободу? .. Нет. Пришло время, когда справедливость разбила воздвигнутые путем преступления преграды, направленные против нее. Права человека стали священными, началось царство равенства, и суверенный народ уравнил все. .. Он свободен, он будет свободен, его существование священно, он его только что защищал и заставит его уважать»⁴⁾.

1) Там же, стр. 153.

2) Там же, стр. 154.

3) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 153.

4) Там же, стр. 153.

Таким образом, на максимум авторы адреса смотрят, как на одно из средств, необходимых для установления царства равенства. Ясно, что здесь снова речь не о политическом, а о социальном равенстве в его «плебейском» понимании, как уравнении имуществ. Народные массы Лиона в революционные требования буржуазии — равенства и братства — вкладывали свой смысл и желание по-своему разрешить задачи революции.

Вместе с адресом о максимуме предлагается проект декрета, состоящий из 16 статей¹⁾.

Статьи 15 и 16 проекта декрета предусматривали ежегодное установление максимума цен на хлеб в соответствии с учетом наличного количества хлеба во всей республике. В ст. ст. 9—10—11 указывается, что, месяц спустя после принятия этого декрета, все муниципалитеты республики обязаны произвести учет наличия хлеба путем опроса землевладельцев под страхом конфискации $\frac{1}{4}$ зерна в пользу разоблачившего ложность показаний и четырехгодичного тюремного заключения для давшего неточные сведения. Каждый, кто окажет сопротивление комиссарам при проверке наличия хлеба, будет приговорен к смертной казни (ст. 13).

Ст. 12 обязывает крестьян вывозить хлеб на рынок, спустя 3 месяца после сбора урожая.

Этот проект не ограничивался установлением максимума и репрессивными мерами, связанными с осуществлением максимума, он также предусматривал ряд мер, необходимых для подъема сельского хозяйства: например, конфискацию в пользу государства земель, не обрабатываемых в течение двух лет, оказание помощи землевладельцам в случае стихийных бедствий, повредивших урожаи, и т. п. (ст. 6, 8).

В заключение Генеральный совет Коммуны совместно с представителями дистрикта, торгового и гражданского трибуналов обратился с воззванием к своим согражданам, в котором обосновываются принятые адреса, представленные в Конвент. Причем в то время, как первый и третий адреса обосновываются довольно обстоятельно, в адресе же, требующем установления максимума, сказано буквально следующее:

«Необходимость этой меры чувствуется достаточно по ежедневному опыту и по мотивам, изложенным в самом адресе и сопровождающем его примечании»²⁾.

Указанные адреса были отправлены в Конвент. Однако продовольственный вопрос попрежнему не сходил с повестки дня муниципального корпуса: 28 марта был заслушан доклад Эмери о работе муниципальной булочной³⁾, 27 апреля Генеральный совет Коммуны

обращается в Конвент с просьбой оказать денежную помощь в размере 3 млн. ливров, мотивируя это тем, что в сложившейся обстановке невозможно гарантировать спокойствие граждан и нельзя сохранить цены на хлеб на уровне, соответствующем малым денежным ресурсам рабочих¹⁾.

22 апреля в муниципальных протоколах зафиксировано, что все средства муниципалитета для компенсации булочников исчерпаны.

Муниципальная булочная прекратила продажу хлеба из-за отсутствия муки. Этим затруднением, конечно, постарались воспользоваться булочники. Они ухудшили качество хлеба и потребовали увеличения вознаграждения. В то время как Лион испытывал такие затруднения, Конвент обсуждал этот вопрос на своих заседаниях. Жирондисты придумывали всяческие проволочки, чтобы затянуть и избежать положительного решения продовольственного вопроса. Об этом возмущенно пишут в Лион депутаты Конвента — лионцы. Парижские якобинцы в это время уже перешли на сторону «бешеных» и народа в вопросе о максимуме и отстаивали необходимость его введения. 18 апреля якобинец Моле собрал в Якобинском клубе представителей парижского муниципалитета и зачитал адрес, в котором выставлялось требование максимума и реквизиции зерна. При этом он прямо ссылаясь на петицию лионцев от 23 марта 1793 г.²⁾

Это еще раз подчеркивает роль лионских клубов, инициаторов борьбы за максимум. Лион стал одним из первых городов, пытавшихся осуществить максимум внутренними силами, и инициатором этой борьбы за максимум в республиканском масштабе.

В результате ожесточенной борьбы 4 мая 1793 г. Конвентом был принят декрет о максимуме на зерно. В лионском муниципальном корпусе этот декрет был зачитан 17 мая и вынесено постановление, обязывающее специальный подкомитет сделать на следующем заседании доклад о мерах, обеспечивающих выполнение этого декрета³⁾.

20 мая 1793 г. департаментским советом во исполнение декрета Конвента о максимуме были приняты следующие решения:

- 1) в течение трех дней составить перечень рынков округа;
- 2) в течение трех дней все торговцы должны сделать заявление о месте хранения, количестве принадлежащих им зерна и муки;
- 3) по истечении 8 дней комиссары муниципалитета должны проверить заявления торговцев и доложить о результатах в дистрикт, департамент и отправить все сведения министру внутренних дел;
- 4) у лиц, сообщивших неверные сведения о наличии зерна и муки, все необъявленные запасы подвергаются конфискации в пользу бедных граждан коммуны, а виновные караются в соответствии со статьей 5 декрета Конвента;

¹⁾ Ibid., p. 186.

²⁾ Moniteur 18.VI 1793.

³⁾ Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 259.

¹⁾ Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 154.

²⁾ Там же, стр. 156.

³⁾ Там же, стр. 172.

5) торговать зерном и мукой разрешается лишь на специально объявленных рынках. Неподчинение этому карается по статье 6 декрета ¹⁾.

21 мая муниципалитетом было принято решение, вытекающее из декрета от 4 мая о лишении булочников вознаграждения, которое они получали в виде возмещения за нормированную цену хлеба. Секционным комитетам было поручено в двухдневный срок представить в бюро финансов муниципалитета список лиц, имевших ранее на это право ²⁾.

Декрет Конвента о максимуме должен был разрешить те затруднения, которые испытывал лионский муниципалитет, пытаясь осуществить максимум лишь в своем городе.

Но все эти постановления муниципалитета не были осуществлены из-за событий, которые разыгрались в Лионе в эти последние дни мая и завершились контрреволюционным переворотом 29 мая 1793 г.

Оценивая роль Центрального лионского клуба в борьбе за разрешение продовольственного вопроса, можно сделать вывод, что он сумел организовать и вовлечь в борьбу за максимум широкие слои народных масс.

Это и привело к тому, что в Лионе под напором масс была осуществлена попытка регулирования цен на хлеб еще до введения общего максимума. Лион был инициатором борьбы за максимум в республиканском масштабе.

В этой борьбе лионские клубы выступают как демократически организации, борющиеся за реальное улучшение положения народных масс, действуя в ущерб интересам лионской буржуазии. Это вызывает противодействие лионской буржуазии, завершившееся контрреволюционным мятежом 29 мая 1793 г.

2. Суд над королем и позиция Центрального клуба Лиона

Другим важным вопросом, обсуждавшимся в Конвенте одновременно с продовольственным и вызвавшим острую борьбу в Лионе и других городах Франции, был вопрос о судьбе короля.

Такое значение этот вопрос приобрел потому, что Людовик XVI для французского народа был символом контрреволюции. Он олицетворял собой интервентов, неprisягнувших священников, спекулянтов, вздувавших цены на хлеб. В народе говорили о нем как о виновнике голода и поэтому многим казалось, что как только король будет осужден, положительно разрешится и продовольственный вопрос.

Французская буржуазия была напугана размахом борьбы народных масс по продовольственному вопросу и требованием народа решительной расправы со всеми врагами революции, начиная от скупщика вплоть до короля.

¹⁾ Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 261.

²⁾ Pr. verb. du Conseil départ., v. II, p. 292—293.

Ленин в работе «Две тактики» о русской буржуазии писал:

«Буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е., чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна» ¹⁾.

Будучи заинтересована в сохранении монархии и других остатков старины для обуздания народа, жирондистская буржуазия во Франции делает попытки в Конвенте спасти Людовика от суда. Она поднимает вопрос о его неприкосновенности, пытаясь передать вопрос о его виновности на обсуждение первичных избирательных собраний. Создавая все эти проволочки, жирондисты стремились к затягиванию решения этого вопроса, надеясь на отсталость народа и поддержку буржуазии в провинции.

Все эти попытки жирондистов встретили отпор не только со стороны якобинцев Конвента, но и со стороны широких демократических слоев Франции. Из различных городов в Конвент посылались многочисленные адреса с требованием ускорения судебной процесса и осуждения короля на смерть. За осуждение короля высказался и Лион, направив в Законодательный комитет Конвента свой адрес.

Этот адрес, составленный Шалье в ноябре 1792 г. и имевший 300 подписей, требовал ускорения суда над королем и его осуждения.

«Пусть падет этот король и с ним тысяча королев... Декретируйте, чтобы последний из наших тиранов, современный Калигула, был судим без отсрочки трибуналом из судей от 83 департаментов» ²⁾.

Якобинец Дефье, вернувшийся в Париж из командировки по провинциям Франции, особо выделил настроение в Лионе, граждане которого просили выслать им список поименного голосования вопроса о короле в Конвенте, чтобы иметь возможность судить, кто из депутатов является контрреволюционером ³⁾.

Большую роль в создании революционного настроения в Лионе сыграл Центральный клуб. Здесь произносились речи, осуждавшие медлительность Конвента и требовавшие ускорения решения судьбы короля. Неоднократно по этому вопросу выступал Шалье, который, отражая настроение народа, ставил улучшение продовольственного положения в зависимость от решения вопроса о короле.

«Народ будет иметь хлеб, не сомневайтесь в этом. Но первая статья закона, которую должны выработать наши законодатели по продовольственному вопросу, — это смерть тирану» ⁴⁾.

¹⁾ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 57.

²⁾ Цит. по Herriot., v. I, p. 135.

³⁾ Société des Jacobins... par Aulard, t. IV, p. 584.

⁴⁾ Bal. eydier, v. I, p. 110.

Шалье разоблачает проволочки Конвента, выступая на заседании трибунала дистрикта 21 декабря 1792 г.

«... Что касается меня, то я удивлен только одной вещью: тем, что, приняв 4 года тому назад декларацию прав человека... , вдруг вздумали создать такой процесс и придать ему такую торжественность для того, чтобы снять голову только одному злодею. Я не знаю, чему я должен больше удивляться: доброты и терпению народа или слабости Конвента. Уже три месяца прошло, как он освободил землю от бремени, декретировав республику, и вдруг оставил в живых того, кто может еще, благодаря своим гнусным сподвижникам, причинять новые несчастья... Бруту совсем не потребовалось процесса над Цезарем; он просто поразил его двадцатью ударами кинжала...»¹⁾

Центральный клуб обращается в Якобинский клуб Парижа (17/XII—92 г.), в Конвент (январь 1793 г.) с требованием ускорить казнь короля, именуемого им коронованным разбойником²⁾.

Адрес в Конвент был составлен якобинцем Лесселем и обсуждался 6 января 1793 г. в Генеральном совете Лионской коммуны. Этот адрес совершенно правильно расценивал предложение жирондистов передать вопрос о виновности короля на первичные собрания секций, как стремление «разжечь в республике пламя гражданской войны»³⁾.

Адрес был составлен настолько решительно, что напугал членов муниципалитета, которые под предлогом того, что адрес составлен не вполне удовлетворительно, не был принят.

13 января 1793 г. на заседании административного и судебного корпусов Лиона этот адрес был вновь подвергнут обсуждению. Мэр Лиона пытался снова сорвать принятие этого адреса, протестуя против его резкой формы. Он предложил то же содержание облечь в более приемлемую форму, достойную этого города Франции и ее представителей. Чтобы быть более убедительным, он сослался на обычаи, принятый в средние века, когда палачи надевали лучшее платье и перчатки, если им предстояло казнить высокое лицо. Большинство отклонило предложение мэра и приняло адрес, резко осуждавший короля. Таким образом, Лионский Центральный клуб и в вопросе о судьбе короля вел настойчивую борьбу за разрешение его в демократическом духе.

По предложению Лесселя были избраны 5 комиссаров для передачи адреса в Конвент. Протокол заседания 13 января 1793 г. был послан всем департаментам, а также в департамент Роны и Луары. В муниципалитет Лиона прибыл представитель от департаментского

совета, чтобы сказать, что как частные лица члены его разделяют взгляды лионского муниципалитета, но как официальные лица администрации они не могут обязать к этому 6 своих дистриктов, не обсудив с ними этого вопроса¹⁾.

Эта позиция департаментского совета не оставляет сомнения в истинном его стремлении не дать хода адресу и этим затянуть решение вопроса о судьбе короля.

Поэтому Шалье считал жирондистов не меньшими врагами революции, чем прямых сторонников короля, и в письме в Париж к Гайяру он спрашивал: «... Скажите нам, что подельывает этот мошенник Ролан; Шампанье, Патрэн, Верньо, Петион, Гадэ, Жансонна, Кондорсэ, Бриссо не должны ускользать ни на минуту из виду. Следите за их поведением»²⁾.

Обращая свой взор на Лион, Шалье и здесь находит сторонников Ролана и этой партии в лице Нивьера, Сальера, Бюллэ, Ванрисамбура, Бертолона и др.³⁾

Он призывает всех якобинцев быть внимательными к проискам врагов и призывает учинить расправу над всеми врагами свободы:

«Пусть якобинцы не дремлют ни минуты. Их сон губелен для общественного дела. Энергия! Энергия, без нее все будет потеряно... Произведем, наконец, чистку республики. Уже время нанести решительный удар. Если мы опоздаем — все пропадет. Я вижу, Конвент не обладает в достаточной мере энергией и характером, чтобы спасти общественное благо...»⁴⁾.

Все это свидетельствует о понимании лионскими якобинцами серьезности положения родины и угрозы делу революции. В этом же письме к Гайяру Шалье прямо заявляет о готовности лионских якобинцев расправиться с врагами революции в своем городе и рассказывает о том торжестве, которое было устроено 28 января в Лионе по поводу казни Людовика.

Необходимость беспощадной расправы со всеми врагами народа укрепилась среди якобинцев и народных масс в процессе борьбы за максимум и революционное решение вопроса о судьбе короля. Тем более, что казнь короля вызвала оживление лионской контрреволюции.

Дерево Свободы в Лионе ежедневно покрывалось контрреволюционными памфлетами. Вот отрывок из одного из них, напечатанный 6 февраля 1793 г. в «Journal de Lyon»:

«Итак, преступление совершено, и смертоносный нож упал на голову нашего короля. Вот, как вознаграждают монархов, которые хотят сделать свой народ свободным!.. Я заявляю перед лицом неба и людей, что Людовик умер невинным, что все те, которые осу-

1) Pr. verb. du registre du secrétariat gén. des sections de la ville le L., p. 352.

2) Société des Jacobins, v. IV, p. 68.

3) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 62.

1) Pr. verb. du Cons. gen du départ., v. II, p. 228—229.

2) Pr. verb. du Secrétariat général, p. 357.

3) Там же.

4) Там же, стр. 359.

дили его на смерть, вынесли несправедливое осуждение, и вы — несправедливо обманутый народ»¹⁾).

Дело дошло даже до нападения на должностных лиц из муниципалитета. 30 января 1793 г. по приказу муниципалитета был арестован бывший генеральный контролер Ламберт, корреспонденция которого свидетельствовала о связях лионских контрреволюционеров с эмигрантами.

Большую тревогу лионским патриотам вселяло поведение мэра, который с конца января 1793 г. ни разу не созывал муниципального корпуса и единолично решал все дела. Все эти факты свидетельствовали об активизации контрреволюции Лиона, вызванной казнью короля, и угрожали общественной безопасности.

Это хорошо понимали лионские патриоты и, по свидетельству мэра, в течение двух недель спустя после казни короля ежедневно представляли в муниципалитет петиции с требованием раздать по секциям патроны²⁾.

4 февраля 1793 г. в муниципалитет явилась многочисленная депутация, потребовавшая декретировать так называемые домашние визиты (*visites domiciliares*) с целью «очистить, наконец, наши стены от разбойников, которых они укрывали»³⁾.

Генеральный совет Коммуны разрешил домашние визиты и предложил депутатам Центрального клуба назначить комиссаров для проведения арестов.

Выделенные комиссары были проинструктированы мэром, но сам мэр весьма неодобрительно относился к этому мероприятию.

3. Заседание Центрального клуба 6 февраля 1793 г. и его последствия

Муниципальные документы свидетельствуют о том, что домашние визиты, сопровождаемые арестами, прошли в обстановке полного спокойствия и порядка, не вызвав никаких эксцессов и столкновений. В 5 часов вечера 5 февраля 1793 г. мэр Лиона объявил об окончании домашних визитов, в результате которых было арестовано около 300 человек⁴⁾.

Среди арестованных оказался начальник национальной гвардии секции *Port du Temple* и несколько офицеров.

Депутата из этой секции потребовала от муниципалитета немедленно освободить арестованных или допросить их в течение 24 часов. Это требование было отклонено.

1) *Hist. parlementaire... par Buchez et Roux.*, v. 24, p. 392—393.

2) *Guerre. Pièces justifiées*, p. 30.

3) *Pr. verb. des corps mun.*, v. IV, p. 86.

4) Там же, стр. 87—88.

После этого вечером же 5 февраля собралась вся секция и вновь подтвердила свое требование о немедленном допросе и освобождении арестованных. Муниципалитет предложил собравшимся немедленно разойтись и одновременно дал приказ установить 8 пушек во дворе ратуши для предотвращения возможного мятежа.

Так завязался конфликт между якобинским муниципалитетом и указанной секцией, перешедшей в лагерь оппозиции к якобинцам еще после революции 10 августа 1792 года. Этот конфликт вскоре приобретает более широкие размеры.

Мэр Нивьер-Шоль вместо того, чтобы выяснить причины завязавшегося конфликта, дает приказ главнокомандующему линейных войск направиться к ратуше с конными батальонами и артиллерией.

Этот свой приказ мэр объяснял в муниципалитете тем, что ему не было известно, против кого направлены муниципальные пушки, ибо полученное им в этот день анонимное письмо, а также визит одного гражданина вселили в него опасения за безопасность города¹⁾.

Автор анонимного письма сообщал, что в ночь на 6 февраля под председательством Шалье состоялось тайное заседание Центрального клуба, где было решено установить на мосту Моран гильотину и избрать от каждой секции по 3 человека для создания народного трибунала. Кроме того, в этом письме сообщалось, что мэр и главнокомандующий национальной гвардии должны быть арестованы и что присутствующим на заседании были розданы патроны для распределения их по секциям²⁾.

Об этом же тайном заседании Центрального клуба сообщил присутствовавший там гражданин Луарэ из секции Равенства, на которого ссылается мэр при объяснении мотивов своего приказа. Из этого сообщения Луарэ было видно, что Центральным клубом готовилось вооруженное выступление, в случае сопротивления административных органов созданию народного трибунала.

Это выступление было предотвращено, заговор был раскрыт и народный трибунал не был создан в эти дни.

Конфликт, завязавшийся между мэром и муниципалитетом, углублялся. Мэр не пожелал иметь дело с муниципалитетом и обратился 7 февраля в департаментский совет с просьбой об отставке³⁾.

Затем, 9 февраля, он посылает письмо об отставке в Генеральный совет лионской коммуны. В обоих этих документах он мотивирует просьбу о своей отставке тем, что муниципалитет позволил оспаривать его право принять меры, которые он считал необходимыми для предотвращения несчастий в городе, и, таким образом, высказал ему свое недоверие и неуважение.

Ходатайство мэра об отставке департаментом не было удовлетворено. Муниципалитетом же отставка была принята единодушно

1) *Pr. verb. des corps mun.*, v. IV, p. 88.

2) Там же, стр. 91—92.

3) *Guerre, Hist. de la rév. de Lyon (pièces justifiées)*, p. 41—44).

и вынесено решение через неделю провести выборы мэра Лиона.

В связи с этим Генеральный совет обращается к гражданам с воззванием, в котором квалифицирует поведение мэра как предательское и вероломное. В этом воззвании домашние визиты расцениваются как необходимая мера, направленная против всех контрреволюционных происков эмигрантов, фанатичных священников и т. п. лиц.

Генеральный совет утверждает, что домашние визиты проходили в полном порядке и в соответствии с принятым муниципалитетом решением и при его непосредственном наблюдении. Следовательно, у мэра не было оснований для действий, к которым он прибегнул. В воззвании мэр был назван дезертиром, подло покинувшим свой пост, **который вверили ему богачи.**

Это замечание является свидетельством понимания Генеральным советом классовой позиции в поведении мэра, который, в свою очередь, в письме к одному другу откровенно называет муниципалитет бандой, господство которой он считает гибельным¹⁾.

Это свидетельствует о непримиримости позиций мэра и муниципалитета, олицетворявших определенные классовые силы. Конфликт между лионской буржуазией и демократическими слоями доходит до открытого столкновения.

В день выборов мэра, 18 февраля в муниципалитет является делегация от секции Равенства с петицией разрешить непрерывно производить заседания их секции в интересах общественного блага. Председатель заседания муниципалитета отклоняет это требование как необоснованное и не имеющее определенной цели²⁾.

Несмотря на отклонение указанного ходатайства, 12 секций объявляют свои заседания непрерывными. В этом нетрудно увидеть, как конфликт между лионским народом и буржуазией принимает новую форму, а именно: форму борьбы между первичными секционными собраниями и секционными клубами. Требование непрерывности заседаний секций под предлогом наблюдения за общественным порядком в действительности означало стремление их парализовать влияние клубов, противопоставить им свое влияние и организовать для открытой борьбы.

Муниципалитет вновь предлагает секциям разойтись.

Ни одно из этих решений не имело положительного результата. Дело доходит до того, что члены непрерывно заседающих секций овладевают арсеналом и начинают вооружаться. Происходит вооруженное столкновение между ними и посланным муниципалитетом отрядом. Мятежники с криками «Долой муниципалитет!» «Голову Шалье и Лосселя!» окружают ратушу.

Осажденный муниципалитет дает приказ войскам отразить наступление мятежников.

¹⁾ Pr. verb. corps mun., v. IV, p. 91—95.

²⁾ Herriot, v. I, p. 161.

В таких условиях происходят выборы мэра, которые дают победу Нивьер-Шолоу, получившему 8097 голосов из 10746.

Весть об избрании Нивьера вызвала настоящую манифестацию лионской буржуазии, которая направилась к его дому для поздравления с победой. В часы своего торжества лионская буржуазия не забыла того, кто звал народ к расправе со скушниками, спекулянтами, и огромная толпа направилась к дому Шалье. Его не оказалось дома. Тогда толпа направляется к зданию Центрального клуба.

К счастью, Шалье уже не было в доме. Центрального клуба, когда разъяренная толпа ворвалась сюда с криками: «Долой Шалье! Долой клубы!».

Ворвавшись в клуб начали в ярости ломать столы, скамьи. Совершенно несомненно, что часть протоколов и бумаг клуба погибла в результате этого погрома, и лишь некоторая часть документов была направлена в департамент.

Муниципалитет был вынужден принимать срочные меры. На площади у ратуши были выставлены 8 пушек и при помощи народа Лиона вооруженные силы муниципалитета восстановили порядок в городе в тот же день. События 18 февраля могут быть рассматриваемы как своего рода репетиция, прелюдия к мятежу 29 мая 1793 г. Стремление буржуазии тотчас же после победы расправиться с вождями клуба якобинцев и разрушить клуб еще раз свидетельствует о значительной роли его в борьбе с лионской буржуазией и об остроте этой борьбы.

Несмотря на то, что выступление контрреволюции не увенчалось успехом и внешне, казалось, был установлен порядок, Шалье в своем письме от 19 февраля обращает внимание Конвента на тревожное положение в городе, требуя от него серьезного вмешательства в дела Лиона¹⁾.

Такое же мнение высказал Тальен 25 февраля в докладе Конвенту о положении в Лионе. Свой доклад он начал словами:

«В тот самый момент, когда мы заседаем, в Лионе контрреволюция делает свое дело Поспешите на помощь притесняемым патриотам, дайте им средства сразить врагов революции, бойтесь, чтобы эта контрреволюционная вспышка не передалась в другие части республики»²⁾.

Якобинский клуб выбирает 3 комиссаров, утвержденных затем Конвентом, для восстановления порядка в Лионе.

Эта тревога Шалье, Тальена имела под собой почву, ибо ни один день после 18 февраля не проходил в Лионе спокойно. В эти дни Лоссель дал приказ об аресте 1500 человек, причастных к разгрому клуба, а также о разоружении трех секций. Это вызывало возбуждение в городе.

¹⁾ Pr. verb. corps. mun., v. IV, p. 103.

²⁾ Herriot, v. I, p. 175—176.

Положение в Лионе было усугублено тем, что Нивьер-Шоль категорически отказался от должности мэра, и на 25 февраля были назначены новые выборы, а это опять привело к обострению борьбы в Лионе. Снова каждый лагерь выступает со своей кандидатурой. От якобинцев был выдвинут Бертран, от жирондистов — Жилиберт.

Выборы не дали абсолютного большинства ни одному кандидату. Из 10.094 голосов Бертран получил 4365, Жилиберт — 3613. Был объявлен второй тур голосования, перед которым по распоряжению генерального прокурора Коммуны Лосселя Жилиберт был арестован за участие в разгроме клуба и зато, что он подписал заявление о необходимости чистки муниципалитета от шайки разбойников¹⁾.

Дело его было передано в Конвент. Но этот арест лишь усилил сопротивление буржуазии, испугавшейся возможной победы Бертрана. Поэтому Жилиберт получил во втором туре большинство голосов (27.И).

Прибывший в этот же день для наблюдения за порядком марсельский батальон был привлечен буржуазией на свою сторону. Марсельцы стали преследовать Шалье, открыто требуя его гслова.

Генеральный прокурор Лионской коммуны Лоссель требует от комиссаров Конвента, прибывших в город 27 марта, принять необходимые меры, т. е. удалить марсельцев из города²⁾.

Сам Шалье обращается к ним с письмом, в котором просит ограждать его от опасностей со стороны марсельцев³⁾.

Но меры приняты комиссарами не были, и это позволило марсельцам 9 марта, в день новых выборов мэра (Жилиберт 4 марта заявил об отставке) сделать попытку поднять восстание.

В то время как марсельцы с оружием в руках и с криками «На гильотину Шалье!» дефилировали по улицам, в саду августинцев собралась огромная масса людей, от имени которых была составлена петиция к комиссарам Конвента, снабженная 700 подписями.

Эта петиция выражала недовольство лионской буржуазии отставкой Жилиберта, нерегулярным созывом секций и требовала их немедленного созыва. Здесь даже раздавались голоса: «К оружию!»⁴⁾.

По приказу муниципалитета войска заставили разойтись это собрание, и марсельский батальон был удален из города. В письме к комиссарам Конвента от 9 марта Шалье отдает должное муниципалитету за ликвидацию попытки нового контрреволюционного выступления⁵⁾.

Но тут же он выражает недовольство бездеятельностью комиссаров, требуя от них немедленных мер по борьбе с внутренней контрреволюцией.

«Город с 18 февраля находится в состоянии открытой контрреволюции, — писал он, — а не принято ни одной настоящей меры! . . . Наши враги бодрствуют . . . , контрреволюционная торговая буржуазия объединяется, секции обрабатывают нестойких патриотов. Проснитесь! Выйдите из состояния летаргии. Уже время . . . »¹⁾.

Выборы закончились победой якобинцев. Мэром избран был Бертран, за которого голосовало 6481 человек из 9990. Так закончилась борьба между демократическими слоями и буржуазией Лиона по вопросу избрания мэра.

Однако избрание мэром якобинца, конечно, не могло устранить принципиальных оснований для борьбы между лионской буржуазией и народными массами. Напротив, мероприятия якобинского муниципалитета вызывали еще более сильную оппозицию со стороны буржуазии, которая в это время не только в Лионе, но и во всей Франции переходит в лагерь контрреволюции. Свидетельством этого является измена Дюмурье, близкого к жирондистской буржуазии.

В связи с этим резко ухудшилось положение республики, ибо война опять грозила перейти на французскую территорию. Тяжелое положение республики еще усугубляется контрреволюционным восстанием в Вандее, что вместе с изменой Дюмурье создает новые опасности для революции, усиливая позиции ее врагов как внутри, так и вне республики.

Известие об измене Дюмурье вызвало в Лионе чрезвычайное беспокойство. Большинство лионских патриотов видело в ней не только опасность со стороны внешней, но и со стороны внутренней контрреволюции. Эту мысль хорошо выразил в своем письме от 7 апреля якобинец Ашар.

«Давно я предвидел урон и измену со стороны Дюмурье; его маска спала, он не мог удержать ее более на своем лафайетском лице . . . Вст, что меня беспокоит и кого нужно с тщательностью разыскать, так это сообщников Дюмурье. Их много, я думаю, и большое количество среди нас, находящихся в центре этого хитрого замысла, черпают все средства Франции, чтобы насытить их честолюбие и потом передать бразды правления в руки коронованных тиранов . . . Конвент слишком слаб или слишком предательский. Много разбойников составляет его . . . »²⁾.

1) Hist. parlementaire. . . par Buchez et Roux, v. 23, p. 402—403.

2) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 126.

3) Lyon en 1793 (avant le siège). . . , p. 44.

4) Там же, стр. 45.

5) Hist. parlementaire. . . par Buchez, v. 25, p. 188.

1) Charléty, Rév. fr., t. 39, p. 397.

2) Цит. по Charléty. Rév. fr., t. 39, p. 397—398.

8 апреля в муниципалитет от имени Центрального клуба является делегация, которая призывает его серьезнее заниматься делом обеспечения общественной безопасности¹⁾.

Комитет общественной безопасности, созданный в Лионе по примеру Парижа, начинает настоящие военные приготовления, проверяет состояние пушек, ружей, количество и качество пороха.

И в то время как департаментские власти в туманной декларации призывают граждан к спокойствию²⁾, не разделяя беспокойства патриотов, мэр города якобинец Бертран в письме к Клубу секции Сен-Пьер от 10 апреля признает необходимость серьезных мер. Он здесь сообщает, что муниципалитетом составлен адрес в Конвент с требованием исключения из Конвента депутатов, голосовавших за спасение изменника Капета³⁾.

В адресе звучит ясное понимание того, что феодальная коалиция иностранных держав имеет намерение посягнуть на революционный порядок их страны и высказывается готовность лионских патриотов защищать свою революционную родину и ее независимость. «Но люди 14 июля и 10 августа еще живы; народ поднялся, он желает свободы и он будет ее иметь вопреки тем, кто голосовал за обращение к народу»⁴⁾.

Ленин, оценивая позицию масс в этот период, писал: «Весь народ Франции и в особенности массы, т. е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; все считали войну справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой.

Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»⁵⁾.

Таким образом, Центральный клуб выступает снова как демократическая организация от имени народа с полным пониманием того, что коалиция принесет французскому народу порабощение и потерю его свободы и независимости.

В этот же день делегация от Центрального клуба обращается к объединенному заседанию трех административных органов с предложением рассмотреть способы создания в кратчайший срок нового батальона защитников республики и об обеспечении жен и детей его участников. Было поручено комитету общественного спасения Лиона представить к следующему заседанию доклад по этому вопросу⁶⁾.

В ответ на это 9 апреля департаментский совет обращается с прокламацией, призывающей мужчин 18—30 лет быть готовыми отправиться на границу, но конкретно не предлагает никаких мер⁷⁾.

1) Lyon en 1793 (avant le siège), p. 54.

2) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 188.

3) Lyon en 1793 (avant le siège), p. 59.

4) Ibid., p. 192.

5) Ленин, Соч., т. XXI, стр. 191.

6) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 189.

7) Pr. verb. du Cons. gén. du depart., v. II, p. 245.

Снова 10 апреля Центральный клуб обращается с требованием к департаменту, дистрикту и муниципалитету послать, наконец, либо конную, либо пешую жандармерию¹⁾.

15 апреля депутация Центрального клуба вносит предложение в кратчайший срок организовать военную школу для обучения граждан владеть оружием. 19 апреля по ее предложению принимается решение предписать гражданам, имеющим лошадей, по первому же требованию представить их в распоряжение местных властей для создания кавалерийского корпуса²⁾.

Таким образом, мы видим, что лионские якобинцы, будучи серьезно обеспокоены судьбой своей родины, требовали принятия срочных и совершенно конкретных мер для отражения внешней опасности. Они предвидели возможность непосредственного вторжения врага в Лион со стороны пьемонтской и швейцарской границ и потребовали поэтому быстрого установления подъемных мостов (9 апреля 1793 года)³⁾.

Кроме того, в Центральном клубе возникает мысль о создании одного воинского соединения для борьбы с внутренними врагами республики. Такое предложение вносит делегация Центрального клуба 11 апреля на объединенном заседании административных органов. В результате было принято решение передать это предложение лионскому комитету общественного спасения на рассмотрение. Эта мысль, поданная Центральным клубом, вскоре овладевает народными массами Лиона и оформляется в план создания революционной армии для расправы с внутренними врагами.

4. Борьба Центрального клуба за создание революционной армии и учреждение революционного трибунала

Поставленный якобинцами вопрос о создании революционной армии не сходит с повестки заседаний местных органов на протяжении всей весны, вплоть до мятежа 29 мая 1793 г. Необходимость создания революционной армии вызывалась неотложностью подавления усиливавшейся контрреволюции. Многие революционно настроенные секции обращаются в муниципалитет с требованием создания революционной армии. В результате этих требований Генеральный совет лионской коммуны 15 апреля 1793 г. поручает комитету общественного спасения представить проект плана создания двухтысячного революционного корпуса⁴⁾.

1) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 191.

2) Там же, стр. 206.

3) Там же, стр. 192.

4) Там же, стр. 201.

В целях ускорения создания революционного корпуса депутация Центрального клуба 16 апреля 1793 г. вносит в муниципалитет предложение открыть по секциям запись добровольцев. Муниципалитет дает на это свое согласие¹⁾.

Постановление о создании революционного корпуса и открытие записи добровольцев вызвало широкий отклик среди патриотов в секциях²⁾.

По требованию якобинской делегации 19 апреля Генеральным советом коммуны было принято решение созвать на другой день объединенное заседание всех местных властей для составления прокламации о создании революционной армии.

20 апреля Генеральному совету были представлены несколько докладов о плане создания революционной армии, не присутствовавшие на заседании соглашения не достигли. Для разработки плана была создана комиссия из 12 человек (по 4 человека от каждого административного органа). Комиссия 26 апреля 1793 г. представила план создания революционной армии. В этом плане предусматривалась добровольная запись в батальоны мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Запись добровольцев должна производиться по секциям под контролем комитетов наблюдения. Департамент в свою очередь должен обратиться ко всем городам и деревням с призывом послать в Лион своих добровольцев для экипировки и обучения. Этот план не определил общее количество солдат, лишь указав, что батальон должен состоять из 500 человек. В каждом батальоне будет пять рот с выборными офицерами. Одежда и вооружение должны быть тех же образцов, что и в национальной гвардии. Здесь же определялась и цель создания этой армии; формулировалась она так: «расстроить замыслы и разгромить всех контрреволюционеров-мятежников, которые наводняют наши департаменты изнутри (устье Роны, Вандея, Лозер), и доказать деспотам, что сторонники рабства вынуждены будут бежать от солдат Свободы»³⁾.

В разделе 5 этого плана предусматривается создание фонда для обеспечения семей солдат революционной армии, который должен быть создан путем добровольной и всеобщей подписки.

Этот план был принят муниципалитетом и дистриктом. Но департамент, утверждая этот план, принял решение подчинить революционную армию Исполнительному совету, который должен определить формы организации нового войска.

1) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 202.
2) Там же, стр. 207.
3) Там же, стр. 219—220.

Спустя 2 дня, т. е. 28 апреля, товарищ военного министра сообщил муниципалитету, что проектируемому ополчению никакой особой организации не может быть дано. Граждане, записавшиеся в ополчение, могут обучаться военному делу и быть готовыми к выполнению могущих быть приказов. Это распоряжение товарища военного министра обосновывается декретом Конвента от 18 апреля, запрещающим создание каких-либо военных формирований, пока не будет укомплектован тридцатитысячный корпус кавалерии¹⁾.

Но несмотря на эти попытки департамента и исполнительной власти сорвать создание революционной армии, муниципалитет и дистрикт не отступили от своего решения, принятого 26 апреля 1793 г. . . Основываясь на декрете Конвента от 24 февраля, в котором указывалось, что каждый департамент, создавший свое формирование из добровольцев, будет пользоваться большим уважением родины, а также ссылаясь на декрет, утвержденный Конвентом о создании революционной армии в департаменте Эро, муниципалитет и дистрикт тут же приняли решение: в следующее воскресенье обратиться к народу с прокламацией о создании революционной армии, копию которой разослать всем муниципалитетам городов департамента, а также всем народным обществам Лиона. Далее было решено обязать секции открыть запись добровольцев в батальоны. Это постановление было послано департаментской администрации²⁾.

Но Центральный клуб не вполне удовлетворял план организации революционной армии, принятый 26 апреля. Поэтому, приняв решение на своем заседании 2 мая о создании революционной армии и о составлении списка обложения богачей³⁾, он в этот же день обращается в муниципалитет с новым планом организации революционной армии и получает о нем единодушный положительный отзыв муниципалитета⁴⁾.

3 мая депутация Центрального клуба с этим же проектом явилась в департаментский совет и ярко обрисовала картину опасностей, грозивших родине со стороны внутренних врагов в Вандее и других департаментах. Она предложила принять меры, проведенные уже в департаменте Эро, т. е. создать революционный корпус, экипированный содержащийся департаментом и находящийся в его распоряжении, а не в распоряжении Исполнительного совета, как это было сказано в постановлении департаментского совета от 26 апреля 1793 г.

1) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 235.

2) Там же, стр. 235.

3) Hist. parlem. par Buchez... , v. 27, p. 413.

4) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 235.

После ухода якобинской депутации департаментский совет принял решение обсудить прокламацию и новый проект декрета о создании революционной армии на вечернем заседании всех административных органов.

В результате этого заседания была принята прокламация и проект декрета, состоящий из 13 статей о революционной армии. В прокламации подчеркивается, что самыми опасными врагами республики являются не внешние, а внутренние враги. Революционная армия может быть единственной силой, которая сумеет опрокинуть подлую клику контрреволюционеров¹⁾.

В статьях 1—4 декрета предусматривается принцип добровольного набора солдат в количестве 5 тысяч человек с ежедневным вознаграждением в 20 су каждому солдату. Для содержания этой армии должен быть создан путем восьмидневной добровольной подписки фонд в размере 5 млн. ливров (5—10 статьи). Если эта сумма не будет собрана добровольной подпиской, то должен быть установлен принудительный заем у богачей в соответствии с их доходами. Статья 10 предусматривала обеспечение семей солдат, находящихся вне города.

Приняв этот декрет, департаментский совет делает еще одну попытку сорвать его реализацию. 7 мая он принимает новое постановление, согласно которому революционная армия должна находиться под **общим** руководством Исполнительного совета и размещаться в Лионе только в период формирования.

Таким образом, снова лишь в несколько иной форме протаскивалось постановление департаментского совета от 26 апреля 1793 г., которое лишало местные органы права распоряжаться революционной армией. Разумеется, что такое решение должно было фактически воспрепятствовать созданию революционной армии в том духе, в каком она мыслилась лионскими якобинцами.

Эта настойчивость департаментского совета, направленная на срыв создания революционной армии, не случайное явление. Она находится в полном соответствии с позицией департамента по всем вопросам борьбы между народными массами и буржуазией Лиона. Действительное отношение буржуазии к декрету о революционной армии ярко выражено ее органом «Лионской газетой» от 7 мая 1793 г.

«Создание революционной армии: поразило ужасом все умы»²⁾.

Автор призывает честных граждан не пускаться в бегство перед убийцами (так именуются якобинцы), а объединиться вокруг консти-

туционных властей (конечно, имеется в виду департаментский совет) и направиться в свои батальоны, чтобы подготовиться к защите. Так реагировала лионская буржуазия на декрет о создании революционной армии. Да это и понятно, ибо как иначе могла отнестись лионская буржуазия к этому декрету, когда прокламация якобинцев, написанная после принятия декрета о революционной армии, заявляла:

«Как только организуется революционная армия, ваша победа будет обеспечена... если вы откажетесь бороться сегодня, завтра вас, ваших жен и детей, задушит голод. Вы потребовали декрет, который установил бы нормальную цену продовольственных товаров, но разве вы не знаете, что только с оружием в руках вы заставите сопротивляющихся выполнить этот спасительный закон? !)».

К этой прокламации была приложена следующая клятва солдата революционной армии, составленная Шалле:

«Я клянусь сохранить свободу, равенство, единство и неделимость республики, безопасность личности и собственности или умереть, защищая их, истреблять всех тиранов мира и их сообщников, именующихся аристократами, фейянами, умеренными, эгоистами, скупщиками, ростовщиками, спекулянтами и истребить всех бесполезных граждан из духовного сословия, яростных врагов свободы и покровителей деспотизма и тирании»²⁾.

Таким образом, якобинцы Лиона на революционную армию смотрели как на средство борьбы за максимум, средство защиты завоеваний революции от посягательств внутренних врагов. Поэтому с такой настойчивостью и решительностью Центральный клуб боролся за ее создание. Судя по тому, что 10 мая депутация Центрального клуба снова обратилась в муниципальный корпус с предложением выработать новый план набора в революционную армию³⁾, можно заключить, что и постановление от 3 мая о революционной армии не удовлетворяло якобинцев. Поэтому они поспешили использовать приезд комиссаров Конвента Дюбуа-Крансе, Альбитта, Ниоша и Готье, чтобы повлиять на департамент по части принятия плана организации революционной армии. Комиссары согласились с якобинским планом, так как он копировал декрет о создании революционной армии в департаменте Эро, санкционированный Конвентом. Они созвали 13 мая экстренное заседание трех административных органов для рассмотрения мер, необходимых для общественного спасения.

На этом заседании комиссары обрисовали тяжелое положение

¹⁾ Hist. parlem. . . par Buchez et Roux., v. 27, p. 422—424.

²⁾ Там же.

³⁾ Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 245.

республики в связи с восстанием в Вандее и в других местах. По предложению якобинской депутации был принят новый декрет о революционной армии из 6 статей¹⁾.

В статье первой указывалось, что революционная армия создается в количестве 6 тысяч солдат. Из этого количества солдат предназначается для борьбы с внутренними врагами своего департамента $\frac{2}{3}$, для расправы с вандейцами и другими врагами республики — $\frac{1}{3}$.

Во второй статье указывалось, что сумма обложения богачей должна равняться 6 млн. ливров.

В третьей статье требовалось, чтобы граждане, желающие записаться в революционную армию, представляли удостоверение о гражданстве.

Четвертая статья устанавливала, что граждане, не имеющие удостоверений о гражданстве, должны быть разоружены, и их оружие поступает в распоряжение комиссаров Альпийской армии.

Пятая статья обязывала Комитет общественного спасения Лиона быстро реализовать этот декрет.

Шестая статья обязывала административные органы выделить по три человека в помощь комиссару общественного спасения. Как видно, в основе формирования революционной армии лежит попрежнему принцип добровольности, но уже с проверкой благонадежности волонтеров, и увеличивается численность армии на одну тысячу, а сумма обложения богачей увеличивается на один миллион ливров.

На другой день, 14 мая якобинец Ашар зачитал вновь выработанную прокламацию и проект декрета из 32 статей, существенно изменяющих и дополняющих декрет от 3 мая 1793 г. Этот проект декрета о создании революционной армии был принят тремя административными корпусами²⁾.

В статье первой этого декрета устанавливался количественный состав армии — 6400 человек. В статье второй, в отличие от декрета 3 мая, предусматривалась не добровольная запись в армию, а призыв граждан, известных своим патриотизмом. Это изменение должно было сыграть большую роль в деле качественного подбора состава армии. Чтобы обеспечить такой состав армии, составление списков призываемых поручалось секционным комитетам наблюдения, а призванные обязаны были подчиняться приказу о зачислении их в революционную армию под страхом занесения в особые позорные списки и лишения избирательных прав (ст. 3—4).

Солдатам армии предоставляется право самим выбирать своих офицеров (ст. 7).

Экипировка солдат должна производиться за счет республики (ст. 12), вознаграждение устанавливается в 10 су каждый день, если солдаты находятся не вне своего дистрикта (ст. 11).

Статьи 13—15 предусматривали обеспечение семей солдат, посланных в другие департаменты для подавления контрреволюции. Временное пособие в 10 ливров полагалось на жену, по 50 ливров — на ребенка и родителей, живущих своим трудом. Кроме того, семья получала по 20 су ежедневно во время отсутствия ее главы¹⁾.

Эти статьи по обеспечению семей солдат имели большое политическое значение. Они создавали условия для участия в революционной армии настоящих патриотов, трудящихся Лиона, которые материально были обеспечены плохо и не могли быть достаточно полноценными воинами без обеспечения их семей. Статья 16-я декрета, как и соответствующие статьи предыдущих декретов о революционной армии, предусматривала также заем у богачей, но не по принципу добровольной подписки, как это предусматривалось по декрету от 3 мая, а устанавливался принудительный заем у богачей.

В течение 24 часов по предъявлению особого императивного билета они обязаны были внести установленную сумму²⁾.

В этом отношении якобинцы Лиона пошли дальше декрета департамента Эро, которым была предусмотрена добровольная подписка богачей в течение двух дней, предшествующая объявлению принудительного займа. Повидимому, это было связано с тем, что лионские якобинцы, учитывая опыт борьбы с буржуазией во время продовольственных затруднений, не рассчитывали на эффективность добровольной подписки. Надо отметить, что идея принудительного обложения богачей в Лионе возникла во время продовольственных затруднений независимо и до декрета Эро. Еще 14 октября 1792 г. клуб секции Бель-Кордьер обращался в муниципалитет с предложением добиться у Конвента разрешения на заем у богачей, доходы которых превышают 500 ливров³⁾.

Муниципалитет также не раз обращался в Конвент с просьбой разрешить провести обложение богачей в сумме 10 тысяч ливров для возмещения булочников, но так и не мог добиться этого от Конвента. Декрет 14 мая 1793 г., кроме статей, касающихся создания революционной армии, содержал ряд важных постановлений, направленных на обеспечение общественной безопасности Лиона и департамента, а именно: вручение всей полноты власти Комитету общественного спасения, состоящего из 10 человек; изгнание в недельный срок всех иностранцев, не занятых в мануфактурах и торговле Лиона; комитетам наблюдения предписывалось подать списки по-

1) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 249.

2) Там же, стр. 251—256.

1) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 253.

2) Там же.

3) Riffaterre, v. I, p. 33.

дозрительных для их разоружения, запрещались газеты Каррье и Горса (ст. 22—25).

Значение декрета, принятого 14 мая 1793 г. тремя административными корпусами, безусловно велико. Этот декрет со всем основанием можно считать значительной победой Центрального клуба, который на протяжении двух месяцев вел последовательную борьбу за его выработку и принятие. В конце заседания 14 мая было принято решение послать двух якобинцев, Гайяра и Гравье, в Конвент для проведения утверждения только что принятого декрета и получения разрешения на создание революционного трибунала, за который лионские якобинцы вели борьбу одновременно с борьбой за революционную армию. Оба эти вопроса были тесно связаны между собой и преследовали одну и ту же цель — борьбу с внутренней контрреволюцией.

Вполне понятно, что в условиях оживления внутренней контрреволюции в Лионе весной 1793 г. снова возрождается идея о необходимости создания революционного трибунала. В этом отношении положительную роль сыграл декрет Конвента об учреждении революционного трибунала в Париже. Свидетельством этого является обращение в муниципалитет депутации секции Равенства с предложением предоставить в Конвент проект об учреждении революционного трибунала в каждом департаментском центре¹⁾.

Подобный же проект предложил в самом Конвенте депутат департамента Роны и Луары Кюссе. Он отмечал, что такие трибуналы в городах, насчитывающих 100 тысяч жителей, должны заниматься не только наказанием преступлений против нации, но и наказанием за ажиотаж, мошенничество, злоупотребления, которые совершаются при продаже и скупке продуктов первой необходимости и за другие махинации²⁾.

Надо вообще заметить, что депутаты Лиона в Конвенте с большим удовлетворением воспринимают декрет об учреждении революционного трибунала в Париже и гильотинировании осужденных. Два из них, Фильон и Гравье 21 апреля 1793 г. писали в Лион: «Все будет хорошо, если это же средство будет в руках каждого муниципалитета»³⁾.

На протяжении апреля 1793 г. муниципалитет Лиона неоднократно выслушивал депутации от секций с требованием установления революционного трибунала. Как и ранее, во главе этой борьбы за революционный трибунал выступал Центральный клуб. На заседании клуба 2 мая 1793 г., где было принято решение о создании революционной армии, было принято решение о необходимости непрерывного действия гильотины и о создании революционного трибунала.

1) Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 185.

2) Riffaterre, v. I, p. 16.

3) Там же.

Тут же было решено созвать 4 мая заседание народных клубов секций¹⁾.

Заседание якобинцев 4 мая было посвящено вопросу о революционном трибунале. С предложением о немедленном его учреждении выступил Гайяр и заявил: «Теперь не скажут, что мы готовим проекты убийств на тайных заседаниях. На глазах у всех суверенный народ будет осуществлять свою месть»²⁾.

Здесь же был принят циркуляр к председателям секций о немедленном созыве граждан для избрания от каждой секции по одному судье для ревтрибунала и по одному комиссару в комитет наблюдения. Секциям предлагалось также сообщить гражданам, что 5 мая на площади Федерации будет устроен гражданский банкет в присутствии административных властей, которые обратятся к народу с прокламацией об установлении революционного трибунала. Об этом заседании и циркуляре тотчас же стало известно в Генеральном совете департамента, что вызвало, как и следовало ожидать, сильное его беспокойство. Генеральным советом тут же было вынесено решение о немедленном созыве заседания всех административных органов для выработки таких мер, «чтобы мир не был нарушен никаким событием, не одобренным законом»³⁾.

Указанное заседание состоялось и было посвящено вопросу о необходимости учреждения революционного трибунала. В департаментских протоколах этого заседания не приводятся речи депутатов во время дискуссии, однако отношение к обсуждаемому вопросу о намерении якобинцев установить революционный трибунал выявляется из принятого постановления: направить немедленно 8 человек на заседание якобинцев, чтобы сообщить собравшимся намерения административных органов призвать их к соблюдению законов и дать почувствовать то неудобство, которое могли вызвать поспешные меры, не разделяемые законными властями⁴⁾.

Иными словами, это постановление выражало неодобрение созыву гражданского банкета и установлению ревтрибунала. Несмотря на это, в этот же день в ответ на циркуляр Центрального клуба состоялись заседания секций, посвященные выборам судей для революционного трибунала.

Надо отметить, что эти собрания были очень бурными во многих секциях и проходили в условиях серьезной дискуссии и борьбы.

Секции, населенные богатой буржуазией, примкнувшие к департаментскому совету, противились изо всех сил избранию судей и присяжных для трибунала.

Были и такие секции, которые избрали судей очень незначитель-

1) Hist. parlem. . . par Buchez et Roux, v. 27, p. 213.

2) Morin, Histoire de Lyon depuis la révolution de 1789. P—L 1845, v. II, p. 465.

3) Pr. verb. du Cons. gén. du départ., v. II, p. 270.

4) Там же, стр. 270—271.

ным большинством (5 чел.). Это свидетельствует о наличии серьезной оппозиции этому мероприятию в некоторых секциях. Например, клуб секции Круазет еще 2 мая послал в Конвент своего члена Шассэ с протестом против якобинского проекта о создании революционного трибунала. С этого момента этот клуб становится центром оппозиции буржуазных секций. Якобинцы Ашар и Майян писали об этом клубе как об «обществе, собирающем людей со всех концов города, чтобы произвести контрреволюцию»¹⁾.

Оппозиция в буржуазных секциях и в Генеральном совете департамента была так значительна, что якобинцам пришлось перенести банкет с 5 мая на 9 мая 1793 г. Они намеревались, видимо, добиться декрета местных властей об учреждении революционного трибунала, тем более, что им удалось уже добиться декретов от 26 апреля и 3 мая о революционной армии.

Поэтому 6 мая якобинцы снова поставили вопрос о трибунале на обсуждение Генерального совета коммуны и послали свою депутацию в Генеральный совет департамента с приглашением принять участие в обсуждении вопроса о революционном трибунале. Члены департаментского совета приняли приглашение и при решении вопроса голосовали за петицию в Конвент²⁾. Таким образом, казалось, что вопрос о революционном трибунале принципиально был решен положительно. Однако последующие события выявили истинное отношение департаментского совета к революционному трибуналу.

Так как якобинцы добились принятия петиции в Конвент о революционном трибунале, они стали открыто готовиться к гражданскому банкету, перенесенному на 9 мая 1793 г.

Однако секция Круазет и некоторые другие пытались представить эту подготовку, как угрозу спокойствию, как подготовку восстания и т. п. В протоколах клуба секции Круазет зафиксирована формула: «Смерть тиранам, война анархистам, свобода или смерть!»

Нетрудно понять, что указанная формула направлена против якобинцев, хотя принятый текст клятвы секции прикрывается лозунгами свободы и равенства. Вот ее текст:

«Мы клянемся сохранить свободу, равенство единой и нераздельной республики, не допускать никогда, чтобы существовал тиран ни под каким именем... объединиться вокруг национального Конвента, уважать конституционные власти, сохранять безопасность личности и собственности, направиться на легальные собрания секций, чтобы здесь принять участие в их решениях и не позволить более, чтобы горстка интриганов, прикрывающихся маской патриотизма, душила добрых граждан тяжестью деспотизма»³⁾.

К этой клятве, которая может быть названа политическим кредо

1) Charléty, *Revolution fr.*, t. 39, p. 412.

2) *Pr. verb. des Cons gén. du départ.*, v. II, p. 270.

3) Charléty, p. 412—413.

секции Круазет, присоединяются клубы секций Шанж, Брута, Гургийон, ул. Бюиссон, Новая площадь, Сен-Поль, которые принимают ее 14 мая 1793 г.

Снова Лион разделился на 2 лагеря. Один — лагерь сторонников революционного трибунала, другой — его противников. Оба лагеря деятельно готовились к борьбе.

Балледье рассказывает о собрании одной из секций контрреволюционного направления. Председатель этой секции, открывая заседание, произносит такую речь.

«Мы собрались сюда, чтобы избавить наших братьев, введенных в заблуждение, от большого злодеяния, чтобы предупредить непоправимые несчастья, которые угрожают нашей несчастной родине. Мятежники избрали завтрашний день для возобновления ужасов Варфоломеевской ночи»¹⁾ (намек на гражданский банкет). Он призывает присутствующих спасти родину.

Следующим берет слово Камилл Жордан и предлагает присутствующим отправиться на гражданский банкет, чтобы сдерживать заговорщиков. Если же это не удастся, то принять участие в подавлении беспорядков, соединившись с предназначенными для этой цели вооруженными силами.

Это предложение было принято под гром аплодисментов. Все это с еще большей очевидностью свидетельствует о той оппозиции, которую встретили якобинцы в вопросе учреждения трибунала.

Генеральный совет департамента обязывает администрацию дистрикта привести в готовность вооруженные силы на случай волнения²⁾.

Эта позиция не представляет ничего нового в сравнении с аналогичной позицией его по вопросу о создании революционной армии. К сожалению, нет документов, дающих подробное описание событий, происшедших 9 мая 1793 г. Большинство же авторов весьма тенденциозно описывает этот банкет как пьянство, дикий разгул и вообще всю подготовку к банкету изображает как какой-то заговор, что, кстати сказать, опровергается предыдущим изложением событий, подтвержденных документами.

На основании протоколов департаментского совета удается установить, что 9 мая 1793 г. в зал департаментского совета дважды является якобинская депутация. В первый раз депутация явилась во главе с Рулло (нотабль лионской коммуны) и Гайяром. В это время был перерыв заседаний департаментского совета. Депутация потребовала от присутствующих немедленно направиться в Генеральный совет коммуны для учреждения революционного трибунала. Выслушав отказ присутствующих, депутаты заявили, что в таком случае

1) Цит. по Balleydier. v. I, p. 165.

2) *Pr. verb. départ.*, v. II, p. 275.

трибунале. Поэтому он посылает в Конвент новую петицию с 400 подписями, в которой отказывается от своей ранее посланной петиции, мотивируя это тем, что прежнее решение присоединиться к ней было вынужденным, а также доказывает, что лишь небольшое количество народных клубов добивается установления революционного трибунала. Петиция заканчивается следующими словами:

«Мы протестуем против нелегального способа, путем которого образовался этот трибунал, избранный зачинщиками анархии»¹⁾.

Шассэ, зачитавший эту петицию, предложил передать ее в законодательный комитет и сейчас же принять решение о том, что революционный трибунал временно лишается права выполнять свои функции.

«Граждане, которых пожелали бы арестовать, имеют право ответить силой на силу, муниципалитету разрешается применять вооруженную силу для оказания поддержки этим гражданам, 5 тысяч человек, составляющих революционную армию, могут действовать по распоряжению административных органов только в окрестностях департамента, а в других департаментах только по распоряжению исполнительной власти»²⁾.

Иными словами, департаментский совет в лице Шассэ выразил истинное свое намерение всеми средствами воспрепятствовать созданию революционного трибунала. Это предложение Шассэ было принято Конвентом. Затем Колло д'Эрбуа внес предложение распространить это постановление и на другие департаменты.

В результате этих решений основная статья декрета о ревтрибунале представлялась в следующем виде:

«Объявляется незаконным образование чрезвычайного трибунала, который создан или мог бы быть создан в указанном городе или во всяком другом городе республики без издания особого декрета, исходящего от него»³⁾ (от Конвента).

Декрет Конвента от 15 мая 1793 г. имел большое значение в политической жизни Лиона.

Он не только выразил отрицательное отношение Конвента к попытке якобинцев Лиона учредить революционный трибунал, но и предотвращал возможность решения этого вопроса на местах без специального декрета Конвента.

Более того, этот декрет дал основание контрреволюционным элементам для легального сопротивления революционным действиям. Это было, как нельзя более, на руку департаментскому совету.

Свидетельством этого является та поспешность, с которой Шассэ (в тот же день) сообщил о принятом Конвентом декрете предсе-

дателю департаментского совета Дюбосу (он же председатель секции Круазет).

Письмо Шассэ заканчивается такими словами:

«Не покидайте ваших секций, объединяйтесь, — и честные люди одержат верх»¹⁾.

Это означало призыв к бою. Именно так и восприняла буржуазия Лиона этот декрет, текст которого официально стал известен в городе 17 мая.

Лионский комитет общественного спасения 18 мая 1793 г. обращается в Парижский комитет общественного спасения, выражая тревогу настоящих патриотов, обеспокоенных оживлением в Лионе всех контрреволюционных сил. Он писал:

«Наступил момент всеми возможными средствами спасти общественное благо. Народ здесь в большом смятении... Во всех углах зашевелилась аристократия, открыто создавая блок, который, спустя незначительное время, может кончиться для нашего департамента волнениями»²⁾.

Прибывшие в Париж Гайяр и Гравье, посланные туда согласно постановлению от 13 мая для продвижения дела о создании революционной армии и ускорения решения вопроса о революционном трибунале, уже ничего не могли изменить.

20 мая Гайяр и Гравье выступили в Якобинском клубе с разоблачением доклада Шассэ, введшего в заблуждение Конвент неверным утверждением, что гильотина уже установлена и трибунал действует. Одновременно с разоблачением Шассэ они тут же заявили, что 6 тысяч республиканцев образовали революционную армию и в доказательство зачитали постановление лионских властей о создании революционной армии. Однако надо отметить, что фактически в это время революционная армия еще создана не была, так как этому помешал декрет от 15 мая. Хотя этот декрет и разрешал создание революционной армии для надобностей своего департамента, но условия, при которых революционная армия должна была организовываться, фактически парализовали возможность ее создания.

Создание революционной армии было связано с принудительным обложением богачей, от которых нужно было получить средства для ее организации и существования. Разумеется, что принудительное получение средств от богачей было связано с репрессивными мерами по отношению к отказывающимся внести указанную сумму по установленной таксе (от 60 до 200 тысяч ливров). Декрет же Конвента от 15 мая давал каждому гражданину право оказывать сопротивление на всякое применение силы, т. е., иными словами, давал возможность не подчиняться решению муниципалитета о принудительном обложении. Департаментский совет согласно указанному

¹⁾ Hist. parl. . . par Buchez., v. 27, p. 17.

²⁾ Там же, стр. 18—19.

³⁾ Pr. verb. du Cons. gén. du départ., v. II, p. 283—284.

¹⁾ Цит. по Riffaterre., v. I, p. 55.

²⁾ Цит. по Herriot., v. I, p. 346—347.

декрету также имел право и обязан был поддерживать каждого гражданина, жалующегося на применение к нему насилия.

И действительно, все попытки лионского комитета общественного спасения провести принудительное обложение богачей для создания революционной армии не увенчались успехом, о чем свидетельствует ряд современников.

Так некий Клеман писал в Конвент:

«С момента опубликования декрета (Конвента от 15.V 1793 г. — В. М.) не осмеливались употребить силу, чтобы заставить заплатить определенную для каждого сумму»¹⁾.

Якобинцы в лице Шалье, Ашара, Фильона и др. сразу же поняли смысл декрета. Шалье выступил тотчас же после чтения этого декрета в департаментском совете с гневными словами против его председателя Дюбоса и обвинял Дюбоса в соучастии с Шассез, виновником этого декрета, который сорвал создание революционного трибунала²⁾.

Описывая тревожное состояние в Лионе, якобинцы Ашар и Фильон в письме от 23 мая к Гайяру прямо указывают, что декрет Конвента от 15 мая является также тормозом в создании революционной армии и причиной беспокойного состояния в городе.

Они заявляют в этом же письме, что город находится накануне смертельного боя между республиканцами и роялистами. Недавние события в Марселе и Бордо заставляют их опасаться за судьбу Лиона, где контрреволюция действует открыто.

Ашар и Фильон просят Гайяра приложить всю энергию, чтобы Париж принял срочные меры по спасению Лиона от контрреволюционных замыслов³⁾.

Таково было положение Лиона накануне мятежа.

5. Нарастание конфликта между революционными и контрреволюционными силами Лиона и мятеж 29 мая 1793 г.

Лионская буржуазия усиленно искала повода для открытого столкновения с якобинским муниципалитетом. Для этого она решила использовать декрет Конвента от 21 мая 1793 г., предписывавший местным властям городов Франции выбрать в секциях комитеты наблюдения за иностранцами.

В Лионе еще в декабре 1792 г. по инициативе Центрального клуба были созданы специальные секционные комитеты для выдачи французским подданным удостоверений гражданства, а иностранцам — удостоверений на жительство⁴⁾.

По решению Генерального совета коммуны от 6 апреля 1793 г. они стали называться революционными комитетами и функции их постепенно расширились¹⁾.

Они получили право производить аресты подозрительных граждан, брать на учет спекулянтов, скупщиков, всякого рода бесполезных людей²⁾.

Декретом от 14 мая 1793 г. о создании революционной армии этим комитетам вменялось в обязанность составлять списки по обложению богачей и по мобилизации в революционную армию. Чтобы сорвать создание революционной армии, лионская буржуазия решила устранить эти революционные комитеты, используя против них тот аргумент, что они были созданы путем назначения муниципалитетом, а не путем выборов.

Поэтому, ссылаясь на декрет Конвента, лионская буржуазия потребовала созыва секций для проведения выборов в комитеты наблюдения.

Народ сразу увидел в этом требовании буржуазии желание использовать эти выборы для объявления секций непрерывными, как это было в феврале, а также, чтобы затем лишить действующие комитеты права выдавать удостоверения гражданства и воспрепятствовать другим его функциям, связанным с созданием революционной армии. Об этом 18 мая заявляют несколько депутатий, явившихся в Комитет общественного спасения³⁾.

Комитет общественного спасения Лиона пытается пресечь эти попытки лионской буржуазии. Для этого он обратился к муниципалитету и дистрикту с предложением обсудить вопрос о нецелесообразности созыва секций для выборов комитетов наблюдения.

Муниципалитет положительно откликнулся на это предложение, но департамент отказался обсуждать этот вопрос и настоял на созыве секций⁴⁾.

19 мая секции были созданы и, как предполагали якобинцы, несколько секций высказались за непрерывность заседаний. Инициатором этого предложения выступила секция Пор дю Тампль. Она указывала на пример Марселя и Бордо, где, благодаря непрерывности заседаний секций, господствует якобы наивысшее спокойствие.

Вопрос о непрерывности секционных собраний, как и в феврале 1793 г., приобрел характер принципиальной политической борьбы. Те секции, которые требовали непрерывности заседаний, открыто высказываясь против якобинского муниципалитета и Комитета общественного спасения, представляли лагерь буржуазной контрреволюции Лиона.

¹⁾ Цит. по Riffaterre, v. I, p. 60.

²⁾ Rêgistre du Secrétariat des sections... par Guigues. p. 406—407.

³⁾ Там же, стр. 418.

⁴⁾ Pr. verb. des séances des Corps mun., v. IV, p. 27—28.

¹⁾ Там же, стр. 172.

²⁾ Pr. verb. des corps mun., v. IV, p. 182, 246.

³⁾ Rêgistre du Secr. gén. des sections, p. 354—355.

⁴⁾ Там же, стр. 415.

Один из сторонников непрерывности секционных собраний Герэн в письме к своей матери так оценивал деятельность муниципалитета Лиона, выражая, несомненно, мнение своих соратников:

«Со времени организации последнего муниципалитета мы живем в состоянии анархии, в тысячу раз более достойной сожаления и более опасной, чем все акты самого варварского деспотизма; этот муниципалитет, созданный из грязи, совершал самые произвольные акты насилия и грубости, о которых никогда не слышали. Взгляды и мысли были также запрещены»¹⁾.

Автор, как на якорь, принесший спасение, ссылается на Марсель, который, наконец, дал пример непрерывности заседаний секций и пробудил горячее желание стряхнуть иго разбойников. С большим удивлением он отмечает секцию Пор-дю Тампль, которая первая решилась последовать примеру Марселя, объявив свои заседания непрерывными.

Муниципалитет и Лионский комитет общественного спасения делают попытку заставить секции прекратить свои заседания. Так в ночь с 19 на 20 мая были арестованы 3 человека из секции Пор-дю Тампль, предложившие непрерывность заседаний, а также председатель и секретарь секции Сен-Жорж. Но даже насильственный роспуск секций Гийом Телль 21 мая не приводит к прекращению заседаний других секций (Крузет, Равенства и др.). Они были вдохновлены тем, что избранные 20 мая комитеты наблюдения состояли из противников муниципалитета, поддерживавших непрерывность заседаний секций.

Тогда 23 мая Генеральный совет коммуны Лиона запрещает непрерывность заседаний секций на том основании, что право созыва секций принадлежит лишь Генеральному совету коммуны. Генеральный совет предписывает всем заседающим секциям немедленно прекратить свои заседания. За исполнение этого решения ответственность возлагается на председателей и секретарей секций, пока Конвент не решит, имеет ли секция право на непрерывность заседаний и имеют ли право комитеты наблюдения созывать собрания секций²⁾.

Функции новых комитетов ограничивались лишь получением сведений и заявлений об иностранцах. Им не представлялось право вмешиваться в деятельность и функции революционных комитетов.

Под влиянием секций, настаивавших на непрерывности их заседаний, департаментский совет 25 мая 1793 г. отменил постановление Генерального совета коммуны от 23 мая и разрешил непрерывные заседания секций. Это свое решение он мотивировал тем, что Генеральный совет коммуны плохо понял настоящий смысл декрета Кон-

вента от 21 марта. Учитывая, что существование в каждой секции двух комитетов будет вызывать беспорядки, департамент постановил распустить революционные комитеты, а вновь избранным комитетам предоставить полномочия по наблюдению за иностранцами, подозрительными, а также составление списков нуждающихся семей военных и т. п.¹⁾

Это постановление департамента знаменовало собой начало открытого конфликта между муниципалитетом и департаментом. Каждый из них имел своих сторонников, опирался на определенные классовые силы. В этот же день якобинская депутация, явившись на заседание в Генеральный совет коммуны, выразила свое возмущение указанным постановлением департамента²⁾.

Генеральный совет коммуны обратился с адресом к своим согражданам, заявив, что он всю ответственность за волнения и беспорядки, которые может вызвать это постановление, возлагает на департамент³⁾.

Это опасение Генерального совета коммуны имело основание. Это постановление действительно вызвало нескрываемую радость и ликование секций, находящихся в состоянии непрерывности. На протяжении 25—26 мая одиннадцать секций выразили доверие и признательность департаменту «за меры, способствующие сохранению мира»⁴⁾.

Они начинают готовиться к открытым действиям. 26 мая секция Пор-Фрок избирает на своем заседании постоянно действующее бюро секции, состоящее из председателя, двух вице-председателей и трех секретарей, и посылает депутацию в департаментский совет с выражением ему братских чувств и доверия⁵⁾. В этот же день на заседании секции Гийом Тель готовящееся выступление обосновывается как отпор анархии, которая делает последние усилия для сокрушения священного здания республики и попирает священные права свободы, равенства⁶⁾.

Выступавший на заседании секции бросает призыв развеять представление о Лионе как об аристократическом городе и доказать всей республике, что «мы урожденные французы и, следовательно, боремся за свободу».

Далее он заявил: «... что наше пробуждение будет грозным, что оно навсегда уничтожит тиранию, деспотизм и анархию, какие бы формы они ни принимали; и что наша кровь, наша жизнь будут посвящены сохранению свободы, равенства, единой и неделимой рес-

1) Pr. verb. des séances du départ. v. II, p. 297—298.

2) Pr. verb. des séances des corps mun., v. IV, p. 269.

3) Régistre du Secr. gén., p. 462.

4) Pr. verb. du département., v. II, p. 300—301.

5) Régistre du Secr. des sections, p. 140—141.

6) Lyon en 1793 (avant le siège) Notes et docum., p. 67.

1) Цит. по Herriot, v. II, p. 365.

2) Régistre gén. du Secrét. des sections., p. 417—418.

публики, безопасности личности и собственности, будут посвящены сопротивлению, угнетению и готовы оказать помощь и поддержку нашим братьям, которые нуждались бы в этом. Мы все клянемся в этом и призываем в свидетели нашей клятвы бога»¹⁾).

Эти слова означали призыв к восстанию, к уничтожению тирании, под которой разумелась власть якобинского муниципалитета. Но этот призыв прикрывался лозунгом защиты свободы, равенства и республики.

Истинный смысл и намерение непрерывных заседаний секций вскрывается, как нельзя лучше, в ссылке на пример «братьев из Марселя, Нима, Бордо, которые приняли столь мудрые меры для того, чтобы оживить в душах их сограждан те же принципы, которыми руководствуемся мы, те же чувства, которые воодушевляют нас, приняв решение о непрерывности заседаний их секций; хорошо, достойно славы подражать хорошим, высоким примерам; последуем же их примеру...»²⁾).

Секция Гийом-Тель также подтверждает свое желание остаться в состоянии непрерывности и приносит клятву, приведенную выше.

Секции, находившиеся в состоянии непрерывности, оказывали давление на департаментский совет, толкая его на вооруженное выступление, которое идеологически было обосновано, как мы видим, на заседаниях этих секций. 26 мая на заседание департаментского совета является депутация секции Руссо, требуя от департамента принять немедленные меры для установления общественного спокойствия, ссылаясь на то, что муниципалитет в заявлении от 26 мая отказался от этого³⁾).

Департаментский совет предписывает властям дистрикта дать распоряжение муниципалитету воспрепятствовать сборищам и привести в готовность вооруженные силы, усилить посты в тюрьмах, в ратушах, арсенале и пороховом складе. Интересно, что в начале этого заседания департаментский совет отказался от предложения муниципального корпуса, обсуждавшего положение в городе, последовать на это заседание в ратушу для принятия совместных решений и мер⁴⁾).

Муниципалитет, объединившись с Комитетом общественного спасения, обсуждал в это время чрезвычайное положение города в связи с действиями департамента, покровительствовавшего контрреволюции. Учитывая, что лишь революционная армия, декретированная 14 мая, могла бы посеять страх у контрреволюционеров и что малейшее промедление в организации этого революционного вой-

ска — преступление, муниципалитет постановляет, что Комитет общественного спасения остается с теми же полномочиями, которые были ему вверены ранее; что он обязывается немедленно привести в действие революционную армию, что для сбора обложения с багачей, которое увеличивается до 1 млрд., Комитет должен сию же разослать императивные мандаты всем гражданам, подлежащим этому обложению и не представившим документов об уплате¹⁾).

На это же заседание явилась депутация от имени призванных солдат революционной армии с требованием ускорения ее организации²⁾).

Обстановка была столь напряженной, что муниципалитет посылает в Шамбери курьера к комиссарам Альпийской армии с таким письмом:

«Город находится в состоянии очень печальном и плачевном... Разбойники-контрреволюционеры готовы совершить взрыв; их план заключается не в чем ином, как уничтожить народные общества, удушить патриотов и водрузить, быть может, знамя открытого восстания... Невыполнение законов об эмигрантах, священниках, подозрительных, о национальных имуществах и обложении — все говорит нам о том, что готовятся великие несчастья и крайне необходимо устранить их»³⁾).

Ввиду того, что город разделился уже на два лагеря, готовых сегодня или, может быть, завтра вооружиться друг против друга, в обстановке, когда революционная армия еще не создана и может со дня на день пролиться кровь, авторы письма настоятельно просят комиссаров немедленно явиться в Лион.

Понимая всю опасность, грозящую со стороны контрреволюции, и готовясь к отпору, муниципалитет все же старался предотвратить столкновение, провоцируемое департаментом под давлением ряда контрреволюционных секций.

Так, в ответ на требование департамента привести в готовность вооруженные силы, муниципалитет отвечает, что считает это распоряжение ненужным и отказывается его выполнять⁴⁾).

Но предотвратить развязку уже назревшего столкновения было невозможно. Уже 26 мая секция Пор дю Тампль заявила, что она готова взяться за оружие. Но в этот день серьезного столкновения еще не произошло, если не считать нескольких стычек в 7 и 8 часов вечера между новобранцами революционной армии и группой граждан секции Новой ул., Сен-Жорж, ул. Бюиссон.

В общем, ночь с 26 на 27 мая прошла спокойно.

27 мая нажим на департамент со стороны антиякобинских сек-

¹⁾ Lyon en 1793 (avant le siège) Notes et docum., p. 67—69.

²⁾ Там же, стр. 69.

³⁾ Pr. verb. des séances du Cons. gén. du départ., v. II, p. 302.

⁴⁾ Там же, стр. 301—302.

¹⁾ Pr. verb. des séances du Corps mun., v. IV, p. 273.

²⁾ Там же, стр. 271.

³⁾ Régistre du Secr. gén. des sections., p. 454—455.

⁴⁾ Pr. verb. des séances du Cons. gén. du départ., v. II, p. 306—307.

ций усиливается. Число сторонников департамента увеличивается до 18 секций. Секция Конвента (квартал крупной торговли) прямо заявляет, что пришло время привести к разуму зачинщиков убийств и грабежа, которые напрасно пытались несколько раз учредить кровавый трибунал и которые беспрестанно требуют ограбления собственников в то время, как этот город сделал величайшие усилия, чтобы прийти на помощь тем, кто лишился работы ¹⁾.

В такой обстановке Шалье 27 мая произносит в Центральном клубе речь, в которой разоблачает аристократические секции, разжигающие пламя войны, и заявляет, что председатели и секретари этих секций должны пасть перед мечом закона и быть гильотинированы ²⁾.

Весть об этой речи быстро разносится по городу и под видом грозящей опасности со стороны якобинцев в департаментский совет одна за другой являются делегации от готовящихся к мятежу секций, обращающих его внимание на необходимость принятия срочных мер по общественной безопасности. Они требуют от департамента согласиться на применение вооруженной силы против злоумышленников ³⁾.

Делегации секций Пор—Фрок, Новая пл. даже потребовали, чтобы им самим было разрешено применить вооруженную силу. Секция Руссо вечером 28 мая принимает решение остаться в состоянии непрерывности с оружием в руках, пока не будет арестован Шалье, и посылает копию протокола этого заседания департаментскому совету ⁴⁾.

Теперь уже 26 секций требовали от департаментского совета принять срочные меры. Департаментский совет совместно с властями дистрикта отдает распоряжение мэру и муниципалитету предотвратить возможные волнения, возлагая всю ответственность за них на муниципалитет ⁵⁾.

В это же время на заседании секции Согласия (площадь Св. Павла) единогласно было решено, что муниципалитет потерял доверие народа.

Здесь были перечислены все провинности муниципалитета, среди которых значится: сопротивление декретам департамента, сопротивление, оказанное секционным собраниям, согласие на установление революционного трибунала, который с ужасом был воспринят Конвентом, и впредь запрещен им под страхом смертной казни ⁶⁾.

¹⁾ Riffaterre, v. I, p. 73.

²⁾ Régistre du Secr. gén des Sections, p. 423.

³⁾ Pr. verb. des Cons. gén. du départ., v. II, p. 308—309.

⁴⁾ Régistre du Secr. gén. des Sections, p. 425.

⁵⁾ Pr. verb. des séances du Cons. gén du départ., v. II, p. 309.

⁶⁾ Régistre du Secr. gén. des Sections, p. 424.

В 6 часов утра 29 мая Шалье послал письмо мэру, настоятельно прося его к 8 часам утра зайти к нему в интересах общественного дела, между прочим, замечая, что ему известно о требовании непрерывных секций его ареста ¹⁾.

В ночь с 28 на 29 мая 1793 г. организовался Комитет секций, составленный из комиссаров непрерывных секций, который открыл свое заседание в 10 часов утра 29 мая под председательством Фременвиля.

В протоколе первого заседания этого Комитета обосновывается необходимость его организации тем, что стал известен заговор против настоящих граждан, желающих лишь порядка, сохранения равенства, свободы и неделимой, единой республики.

Руководителем этого заговора назван Генеральный совет коммуны, который возбудил волнения в городе в феврале, а также был виновен в издании декрета 14 мая о кровавом трибунале. Он виновен в арестах многих граждан, которые воспротивились деспотизму, в попытках помешать функционировать народным собраниям секций ²⁾.

Собравшиеся клянутся сохранить свободу, равенство, неделимую и единую республику, уничтожить анархию. Фактически вооруженное столкновение в городе уже началось с утра с овладения секцией Пор дю Тампль арсеналом, где и открыл свои заседания Комитет секций. Этим он как бы санкционировал начавшееся восстание и стал его руководящим центром.

Комиссары Конвента безуспешно пытаются приостановить сражение, обратившись к жителям города с воззванием, призывавшим к восстановлению порядка. Они отказались выполнить требование делегации мятежных секций низложить муниципалитет. К 11 часам утра разразилось настоящее сражение. В 12 часов комиссар Ниош явился в арсенал на заседание Комитета секций, требуя прекратить пролитие крови. Готье с этой же целью направился в муниципалитет.

В ответ на приказ комиссара Ниоша покинуть арсенал и сложить оружие Фременвиль от имени восставших заявил:

«Республиканцы не могли более выносить ига муниципалитета и позволить существование анархии, которая привела город в отчаяние» ³⁾.

Он обвинил комиссаров в поддержке муниципалитета, о заговоре которого они не могли не знать.

¹⁾ Régistre du Secr. gén des Sections, p. 423.

²⁾ Там же, стр. 430.

³⁾ Там же, стр. 432—433.

Фременвиль потребовал от комиссаров: 1) удалить вооруженную силу, прибывшую с ними и по их приказу, 2) отрешить Генеральный совет коммуны от власти ¹⁾.

Комиссары отказались выполнить эти требования. Битва продолжалась. В 5 часов вечера они обнародовали приказ, требовавший немедленного освобождения арсенала и немедленного удаления граждан по домам.

При этих условиях комиссары обещали удалить вооруженную силу, которая была ими призвана для восстановления порядка ²⁾.

Но и этот приказ не возымел никакого действия.

Доклад Ниюша Конвенту о событиях 29 мая свидетельствует о полной растерянности комиссаров и их неумении разобраться в существе происходящих событий.

«Какая из партий права? В то время это была неразрешимая загадка для меня и для моего коллеги, потому что обе, защищаясь, объявили себя республиканцами, дорожащими своей свободой»³⁾, писал он в докладе.

Одно совершенно несомненно, что оба комиссара пытались, прилагая все силы, прекратить сражение.

Повидимому, во имя прекращения убийств, как они об этом заявляют в своей прокламации 30 мая, они под влиянием департаментского совета и заверений восставших в их республиканских чувствах соглашались на отречение от власти Генерального совета коммуны.

В 8 часов вечера 29 мая комиссары вместе с департаментской администрацией послали Комитету секций приказ об отрешении Генерального совета коммуны от его функций ⁴⁾.

Поэтому, когда в 10 часов вечера от имени муниципалитета Комитет секций получил письмо, подписанное Бертраном, Ашаром и др., с предложением прекратить военные действия до утра следующего дня, он ответил:

«Наш ответ на ваше письмо заключен в приказе высших административных органов, объединенных с представителями народа. . . Мы предлагаем вам . . . сложить тотчас же свои полномочия»⁵⁾.

Военные действия продолжались всю ночь, и к 4 часам утра 30 мая ратуша, оплот якобинских секций, была занята мятежниками.

Приказ о низложении муниципалитета в протоколах муниципального корпуса от 30 мая мотивируется тем, что он варварски и преступно использовал ту власть, которую доверил ему для покрови-

тельства гражданам закон и, потеряв доверие сограждан, он не может выполнять своих функций.

На этом же заседании департаментских властей и Комитета секций в присутствии комиссаров власть муниципалитета была вручена Комитету секций ¹⁾.

В этот же день был издан приказ об аресте Шалье, Гайяра, Идена, Додье и других видных якобинцев.

Когда несколько выступивших на заседании ораторов сослались на слухи, что Лион будто бы находится в объятиях контрреволюции, департамент принимает следующую прокламацию:

«Успокойтесь, братья и друзья! Жители Лиона имеют только мирные намерения. Они хотят господства спокойствия и законов, они хотят единой и нераздельной республики. Ради свободы они и боролись ²⁾.

С этой прокламацией в города департамента направляются специальные курьеры.

Большинство авторов по истории Лиона, следуя за самими мятежниками, рассматривают мятеж 29 мая, как движение, направленное против якобинской тирании, оправдывая, таким образом, действия мятежников. Некоторые из них, как Шарлети, Эрио, не выражая открыто антипатии к якобинцам, стараются все же скрыть его контрреволюционный характер. Для этого они изображают борьбу якобинцев и жирондистов либо как борьбу двух республиканских партий, либо как борьбу двух фракций внутри одной республиканской партии. Этим они затушевывают классовый характер борьбы в Лионе, приведшей к мятежу.

Только марксистский анализ событий, предшествовавших мятежу, оценка классовой сущности борющихся сторон позволяют дать правильную оценку характера и причин мятежа 29 мая. Никакие заверения мятежников в республиканизме не могут скрыть от нас контрреволюционной сущности движения. Одного заявления мятежников, что они выступают против якобинского муниципалитета, достаточно, чтобы таким образом оценить его характер.

«Историческое величие настоящих «якобинцев», якобинцев 1793 г. состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным большинством ³⁾ народа, с революционными передовыми классами своего времени», — писал Ленин.

И в самом деле, лионские якобинцы были выразителями интересов народных масс города, последовательно борющихся за развитие революции в интересах народа. Это приводит к победе якобинцев на муниципальных выборах (ноябрь 1792 года) и на выборах мэра (март 1793 года). В Лионе устанавливается якобинский муниципалитет ра-

¹⁾ Там же, стр. 433.

²⁾ Там же, стр. 433—434.

³⁾ Цит. по Charléty. La journée du 29. V. 93. Révol. fr., v. 39., p. 430—431.

⁴⁾ Régistre du Secr. des sections, p. 435.

⁵⁾ Там же.

¹⁾ Pr. verb. des séances des corps mun., v. IV, p. 276.

²⁾ Pr. verb. des séances du Cons. gén. du départ., v. II, p. 311.

³⁾ В. И. Ленин, Соч. т. XXX, стр. 213.

нее, чем якобинцы приходят к власти в общенациональном масштабе. Так как все мероприятия якобинцев и их требования были направлены против лионской буржуазии, это приводит к объединению всех самостоятельных элементов Лиона для свержения якобинского муниципалитета. Росту контрреволюционных настроений буржуазии весьма способствовала деятельность роялистской тайной агентуры, имевшей связи с принцами, братьями Людовика XVI и с эмигрантской средой. Кстати, в самом Лионе не было недостатка в эмигрантах-дворянах, которые жили здесь под вымышленными именами и зачастую служили в торговых фирмах, имевших связи с заграницей.

Контрреволюционные мятежи в Марселе, Тулоне и ряде других южных городов придали лишь смелость лионским мятежникам, пытавшимся еще до мятежа завязать связь с мятежным Марселем.

Якобинцы же Лиона, вызвавшие своей решительной борьбой за интересы народных масс такой сильный отпор со стороны буржуазии, объединившейся с дворянской контрреволюцией, оказались изолированными. В своей борьбе они не только не нашли поддержку со стороны Конвента, но и встретили его сопротивление в таком важном вопросе, как учреждение в Лионе революционного трибунала.

Декрет Конвента 15 мая 1793 года не только оказал моральную поддержку и открыл лионскую контрреволюцию, но оказал ей помощь в осуществлении ее намерения низвергнуть якобинский муниципалитет. На деле этот декрет означал не только запрещение революционного трибунала, но и срыв создания революционной армии.

Буржуазные секции, поддержанные департаментскими органами, которые располагали значительными силами национальной гвардии, 29 мая 1793 года произвели мятеж и свергли якобинский муниципалитет.

Немалую роль в победе мятежников сыграло поведение комиссаров Конвента, в начале мятежа занимавших колеблющуюся позицию, а затем фактически санкционировавших отрешение муниципалитета от власти.

Итак, анализ деятельности «Народного общества друзей конституции», или Центрального клуба, показал, что Центральный клуб объединял вокруг себя все демократические элементы Лиона на борьбу за углубление революции. Центральному клубу это удается потому, что в своей деятельности он не ограничивается борьбой за политические преобразования в буржуазном направлении и уничтожение феодализма, а выступает решительным борцом за улучшение экономического положения народных масс Лиона.

Если парижский якобинский клуб вплоть до весны 1793 года не разделял идеи, выдвинутой народом, о таксации цен на хлеб и другие продовольственные товары, то лионский Центральный клуб, являвшийся его филиалом с августа 1791 г., был настоящим пропаганди-

стом этой идеи. Идея таксации цен нашла такое широкое распространение среди народных масс, что сентябрьские волнения 1792 г., вспыхнувшие в Лионе на почве продовольственных затруднений, проходили под лозунгом установления твердых цен на продовольствие. Муниципалитет вынужден был прибегнуть к регулированию цен на хлеб с уплатой компенсации булочникам за продажу его по установленной цене. Таким образом, в Лионе под давлением народных масс, организуемых Центральным клубом, была сделана попытка установления максимума на хлеб еще до декретирования его в общереспубликанском масштабе.

Лионский Центральный клуб возглавил также борьбу рабочих мануфактур за повышение заработной платы на 30% и упорядочение финансовой системы.

Выражая чаяния народных масс Лиона, члены Центрального клуба проповедовали идеи равенства, противопоставляя буржуазному принципу неприкосновенности частной собственности «царство равенства», под которым разумелось равенство социальное в его «плебейском понимании». Они ставили вопрос о необходимости раздела имущества богатых собственников между бедняками, считая крупную собственность результатом грабежа. С трибун Центрального клуба раздавалось требование национализации ветряных и водяных мельниц, создания национального продовольственного управления и запрещения свободной торговли хлебом, ибо плоды земли принадлежат всем, все люди имеют право на хлеб, на существование.

Иными словами, здесь проповедовались идеи, сближавшие Центральный клуб с организациями «бешенных» и с позднейшей пропагандой «эбертистов». Требования и действия Центрального клуба в 1792—1793 гг. (до установления якобинской диктатуры) свидетельствуют о том, что Центральный клуб Лиона выступил за интересы народных масс смелее и решительнее, чем парижский якобинский клуб. Все это приводит к решительному сопротивлению со стороны лионской буржуазии и обостряет социальную борьбу в Лионе.

В чрезвычайно острой форме она проявляется на выборах в административные органы. Якобинцы одерживают победу на выборах в муниципальные органы и органы дистрикта, жирондисты — на выборах в департаментские органы и при втором туре выборов мэра. Борьба между народными массами и буржуазией Лиона теперь облекается в форму борьбы между якобинским муниципалитетом, с одной стороны, и жирондистским мэром и департаментскими органами, с другой стороны.

После неудачной попытки буржуазных секций поднять 18 февраля 1793 г. мятеж против якобинского муниципалитета и неоднократной баллотировки якобинца Бертрана 9 марта 1793 года одержал победу. Это позволяет народным массам г. Лиона через якобинский муниципалитет осуществить попытку своей диктатуры.

Якобинский муниципалитет последовательно борется за проведение в Лионе максимума на хлеб, организует муниципальную булочную, которая, выпекая хлеб из муниципальных запасов муки, продает его по более низкой цене. Встречая сопротивление буржуазии, поддерживаемой департаментскими органами, лионский муниципалитет совместно с Центральным клубом борется за принятие петиции в Конвент и проекта декрета Конвента о максимуме на хлеб. 23 марта 1793 г. наряду с этой петицией и проектом декрета о максимуме была принята петиция об обеспечении ассигнатов движимым и недвижимым имуществом, а также петиция об отсрочке принятия конституции до окончания войны с контрреволюционной коалицией. Таким образом, Лион был не только одним из инициаторов борьбы за максимум в национальном масштабе, но и активным борцом за демократическое государственное устройство Франции.

Лионский Центральный клуб мобилизует народные массы Лиона на отпор внешним и внутренним врагам, пытавшимся посягнуть на завоевания революции и независимость Франции. По его призыву в Лионе создаются добровольческие отряды, экипируемые за счет лионских патриотов и отправляющиеся на защиту своей родины. Лионский Центральный клуб становится инициатором борьбы за создание революционной шеститысячной армии для расправы с внутренними врагами в своем департаменте, в Вандее и других контрреволюционных очагах Франции, встречая в этом поддержку со стороны якобинского муниципалитета. Лионская буржуазия в лице департаментских органов пыталась воспротивиться принятию постановления о ее создании. Борьба за создание революционной армии в Лионе осложнялась тем, что в общереспубликанском масштабе этот вопрос не был еще поставлен и революционная армия была декретирована только после установления якобинской диктатуры (5 сентября 1793 г.).

Несмотря на сопротивление лионской буржуазии, лионский народ добивается принятия постановления о создании революционной армии (14 мая 1793).

Лионские якобинцы также пытались учредить революционный трибунал ранее, чем он был установлен в Париже, но эта попытка в феврале 1793 г. установить его явочным порядком окончилась неудачей. Преодолевая сопротивление лионской буржуазии в лице департаментских органов, лионский муниципалитет добивается принятия департаментскими органами постановления о создании в Лионе революционного трибунала, но встречает отпор со стороны жирондистского Конвента.

Декрет Конвента 15 мая 1793 г., отменивший постановление местных административных органов об учреждении революционного трибунала, окрылил лионскую буржуазию, объединившую свои ряды для отпора лионским якобинцам, которые пришли в Лионе к власти ранее, чем устанавливается якобинская диктатура в Париже.

Приход лионских якобинцев к власти и попытки осуществить в Лионе ряд мероприятий якобинской программы ранее, чем это удастся осуществить в Париже и в общенациональном масштабе, объясняется тем, что в Лионе, крупном промышленном центре, сосредоточившем более 50 тысяч рабочих, социальные противоречия между буржуазией и трудящимися города выступали резче, отчетливее, чем в других городах и, в частности, в Париже — центре революции. Поэтому борьба между ними приняла более острые формы, и Лион несколько опередил Париж в борьбе за ряд мероприятий, связанных с интересами народа.

Возглавив борьбу народных масс, выдвинувших свои самостоятельные требования, отличные от требований буржуазии и направленные против нее, опираясь на поддержку широких слоев народа, якобинцы Лиона своими мероприятиями вызвали сильную реакцию со стороны буржуазии. Но, вызвав ее сопротивление, лионские якобинцы оказались изолированными в своей борьбе. Мероприятия якобинского муниципалитета, встречая сопротивление департаментских органов, не получили поддержки и у жирондистского Конвента (некоторые из них были даже сорваны при его содействии) — лионским якобинцам не удалось завязать тесных связей с левыми якобинцами Парижа. Кроме того, Лион оказался в кольце контрреволюционного департаментского федералистского движения, охватившего к моменту лионского мятежа юг и юго-запад Франции.

Все это позволило лионской буржуазии, пользовавшейся поддержкой со стороны департаментских органов, которые располагали значительными силами национальной гвардии, поднять 29 мая 1793 г. контрреволюционный мятеж и низвергнуть якобинский муниципалитет.

Лионский контрреволюционный мятеж, прикрывавшийся в начале республиканской маской, с июля 1793 года принимает роялистский характер. Это связано с тем, что лионская буржуазия пошла на соглашение с роялистскими эмигрантскими элементами, нашедшими приют в Лионе.

Этот факт с очевидностью свидетельствует о том, что буржуазия даже в тот период, когда она выражала прогрессивные тенденции общественного развития и провозгласила в борьбе с феодализмом демократические принципы, не была достаточно последовательной, отступала от них, идя на соглашение с роялистскими элементами. В борьбе за свои интересы и буржуазную демократию она опирается на народ до тех пор, пока ее классовым интересам не угрожают опасности. Попытки народных масс вложить свой смысл в буржуазные лозунги и выдвинуть свои самостоятельные требования толкают буржуазию в объятия роялизма и контрреволюции.

Ленин еще в 1913 г. писал, что «единственно серьезная опора демократии и республики во Франции (как и везде), — это массы, . . . а не парламентские дельцы, фигляры, карьеристы и авантюристы буржуазных партий, которые сегодня объявляют себя «радикал-социалистами», чтобы завтра продать и демократию и родину»¹⁾.

¹⁾ В. И. Ленин, Соч. т. XIV, изд. 3-е, стр. 112.